

АННА
ДАНИЛОВА

DA

МИЛЛИОН ДЛЯ КОЛОМБИНЫ

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Миллион для Колумбины

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А.

Миллион для Коломбины / А. Данилова — «Эксмо»,
2019 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 78-5-04-099554-7

После смерти любимой матери Надина жизнь превратилась в ад. Девушка понимает, что, как бы ни старалась, она не сможет раздать долги, поэтому соглашается выйти замуж за старика Липкина, который обещает ее озолотить. Но на поминках девушка знакомится с Григорием, который скрывается от преследования. По его словам, он украл огромную сумму из сейфа своего работодателя и теперь все, что ему остается, — это бежать. И если Надя хочет, то может составить ему компанию...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 78-5-04-099554-7

© Данилова А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Данилова

Миллион для Коломбины

Часть 1

Надя

1

Его звали Семен Михайлович, фамилию его она не знала. Познакомилась с ним, когда позвонила по объявлению и он назначил ей встречу. Ломбарда в маленьком Михайловске не было, а потому золото можно было продать либо кому-то из знакомых, либо тому, кто занимался этим всерьез. Вот как раз таким человеком и оказался Семен Михайлович.

Это был мужчина лет шестидесяти, а может и больше, худой, болезненного вида, сильно сутулый, если не сказать горбатый, с носом, похожим на вязальный крючок, впалыми щеками и большими черными, на выкате, глазами. Но больше всего поразили Надю его губы, точнее, их сиреневый цвет, словно он поел черники или какой-то синей ягоды и забыл вытереть рот салфеткой.

Он принимал, конечно, не дома. Его скромная конторка размещалась в бывшем центре бытовых услуг – громадном сером здании в самом центре города, на первом этаже, рядом с комнаткой, где ремонтировали ювелирные изделия.

Взгляду посетителя сразу открывался маленький деревянный прилавок советских времен со стеклянной витриной, где на потертых замшевых плоскостях пылились тусклые золотые украшения. Скупщик даже не потрудился почистить золото, чтобы оно блестело, хотя цены на украшения были почти такими же, как и в магазине на новые золотые изделия. Все выглядело так, словно он был уверен, что и без усилий и рекламы сможет продать все то, что еще недавно составляло золотой запас какой-нибудь теперь уже обедневшей семьи или отдельно взятого человека, попавшего в долговую или просто жизненную яму. Примерно такую, в какую попала Надя Сурина, точнее Надежда Александровна Сурина, двадцати пяти лет от роду, преподаватель сольфеджио в музыкальной школе.

Она пришла в конторку первый раз еще зимой, принесла все золото, что было, – несколько колечек, цепочку и подвеску в форме целующихся голубков – и получила за все три тысячи рублей. Понимала, что эти деньги не сделают погоды и что теперь вообще уже ничего ей не поможет – все с болезнью мамы летело в тартарары. Ипотека, долги знакомым, все то, что копилось и тянуло Надю на самое дно. Она понимала, что уже очень скоро квартиру, двухкомнатную, новую, которую они с мамой успели даже отремонтировать (мама работала бухгалтером в приличной конторе, занимающейся продажей бытовой техники, и хорошо зарабатывала), ей придется вернуть банку за долги. Она даже срывала объявления о сдаче комнаты, все искала поближе к музыкальной школе, чтобы не тратиться на автобус или такси. Мама умирала, Надя залезала в долги, чтобы оплачивать лечение, и дошла уже до того, что не могла смотреть в глаза всем тем, кому задолжала. Долги просто душили ее. Понимали ли ее знакомые, что она никогда не сможет вернуть им деньги? Кто-то понимал, но все еще надеялся, а кто-то, кто не знал про ипотеку, полагал, что она продаст квартиру и расплатится со всеми сполна.

Оставалась еще одна золотая вещь – подвеска в форме ромба с большим рубином в центре, любимое мамино украшение, доставшееся ей еще от ее матери, от Надиной бабушки, кото-

рой не стало восемь лет тому назад. Деньги от продажи ее маленькой квартирki и положили начало квартирной эпопеи, ипотеки...

– А... Наденька. – Семен Михайлович, увидев ее в дверях своей конторки, даже поднялся, оторвав взгляд от экрана компьютера. Может, он играл в игру, а может, смотрел фильм, подумала Надя, приближаясь к прилавку. – Приветствую вас. Как дела? Пришли выкупить золото?

– А что, оно еще цело? Не продали?

– Да я и не собирался продавать. Знал, что рано или поздно вы за ним вернетесь. Ну не может у такой красивой девушки не найтись кого-то, кто не позаботился бы о ней и не выкупил золото. Поэтому и придержал. Достать?

– Вы серьезно? – Она почувствовала, как губы ее задрожали. Что это было? Он издевался над ней или искренне полагал, что она пришла к нему, чтобы вернуть себе золото?

Мысленно, направляясь сюда, она уже рассталась с рубиновой подвеской и жила в съемной комнате в каком-нибудь старом бараке на самой окраине города, поедая пустые макароны.

– Вполне!

Он вышел из-за прилавка и, пощипывая пальцами свой чисто выбритый подбородок, – этакий кривоногий, в темной одежде, источающей запах нафталина, человек, – разглядывал ее, словно собираясь произвести оценку ее самой. Интересно, подумала она, чувствуя, что слезы уже совсем близко, во сколько он оценит меня? Мои лицо, фигуру?

– У меня мама умерла, послезавтра сорок дней, мне нужны деньги на поминки, – сказала она каким-то не своим, хриплым голосом. – Вот, посмотрите.

Она достала кошелек, где в отделении для мелочи лежала, вжавшись в самый угол, словно не желая, чтобы ее заметили, подвеска.

Умереть, что ли? Исчезнуть, чтобы не было уже так стыдно...

Скупщик подошел к ней совсем близко, еще немного – и он протянет руку, чтобы ощупать, наверно, ее или куснуть, пробуя на ценность, настоящая ли она. Может, еще и лупу возьмет, чтобы рассмотреть ее кожу, волосы, зубы?

Она содрогнулась, когда представила себе это. И с горькой усмешкой вспомнила своего недавнего возлюбленного, Мишку Коротаева, который, оценив масштаб ее долгов, бросил ее, беременную, переметнувшись к ее подруге, Розке, сильно поднявшейся буквально за пару лет на норковых шубах, которыми торговала в павильоне на рынке. История о предательстве самых близких людей, которая уже набила оскомину по многочисленным сериалам. Что поделать, если она повторяется время от времени и в реальной жизни? Хотя, может, это и есть жизнь. Розка была единственной ее близкой подругой и единственным человеком из ее окружения, к которому она не обратилась за помощью в трудную минуту. Если бы не история с Мишкой, Розка точно помогла бы ей, она не жадная.

О последствиях аборта у нее не было желания думать. Быть может, даже хорошо, если она останется бесплодной. Какие дети, когда она никогда не выкарабкается из долгов?

– Замуж за меня пойдешь? – вдруг услышала она и улыбнулась одними губами, словно только они и могли оценить степень черного юмора и цинизма скупщика.

– Вы серьезно? – повторила она свой вопрос, прозвучавший снова в саркастической манере. Нашел время для шуток! И это после того, как она сообщила ему о смерти матери. – Это вы так шутите, чтобы уж окончательно доконать...

– Я вполне серьезно, – произнес Семен Михайлович, начиная какое-то странное кружение вокруг нее. Рассматривает, гад. – Все про тебя знаю... – Он уже шипел ей в спину. – Все-все. И про долги твои большие знаю. И готов все покрыть, будешь в золоте ходить. Шубу куплю соболиную. Твоя подружка-стерва от зависти подохнет на своей норке. Дом куплю на озере, я уже присмотрел. Там одна ванная комната двадцать квадратов.

Он снова возник перед ней и смотрел теперь на нее слегка снизу вверх, лаская ее взглядом. Он как-то изменился буквально за те несколько минут, что мнил себя ее женихом, а может, уже и мужем. Она видела теперь уже не того скупщика, которого не замечала как человека, а мужчину, скорее всего, одинокого и несчастного. Если он все про нее знает, значит, интересовался, справки наводил, думал о ней. Мечтал. Мысленно уже сделал ее своей женой. Неужели влюбился?

– Миньковым самый твой большой долг отдам, Потаповой Людке, Захаровым, соседке все верну до копейки, чтобы ты могла ей в глаза смотреть. Квартира твоя тебе останется – все заплачу, квартирантов тудапустишь, все деньги твои будут, на помаду. Соглашайся. Я не зверь какой. Я ласковый и заботливый. Домработницу найдем, я уже присмотрел, ее Александрой зовут, ее мать у меня двадцать лет отработала, Сашка работающая и воровать не будет. В Париж тебя отвезу, куда хочешь! Деньги есть, на несколько жизней хватит. Сына мне родишь или дочку.

Золото, шуба, Париж... Сцена из дешевой мелодрамы. Надя расхохоталась, и ее хохот перешел в истерический плач. Она и сама не ожидала от себя такой реакции. Семен Михайлович усадил ее на стул, принес воды.

– Ты чего это? От радости, что ли?

Зубы стучали о край чашки с водой. Голова кружилась.

– Семен Михайлович, вы на самом деле предполагаете, что я соглашусь?

– А у тебя выхода нет. Вот просто нет – и все! А если согласишься, я прямо сейчас дам тебе денег, и ты купишь все к поминкам. Даже красную рыбу. Помянешь Антонину Петровну по-царски. Пусть все удивятся и порадуются за тебя, что ты снова при деньгах и у тебя все хорошо. А заодно успокоятся. Ты пойми, все вокруг сразу станут тебя уважать, и не то что здороваться, будут звонить тебе и спрашивать, как ты, что ты, в гости будут звать, на юбилеи, в надежде, что ты придешь с ценным подарком. Они такие – люди. Это сейчас от тебя все отвернулись и наблюдают за тобой со стороны, ожидая развязки. Никто не знает, как ты закончишь. Или, наоборот, как выкарабкаешься из ситуации. И руки тебе уже никто не подаст. Ты для них – ноль, ничтожество. Они презируют тебя. Ты меня слушай, я много подобных историй знаю. И не такие люди ломались. Ты не смотри на эти побрякушки, что у меня здесь, на витрине. Люди мне брильянты приносят, ценные бумаги, разве что почку свою не могут мне продать... Жизнь – она сложная, и не каждой девушке вроде тебя может кто-то предложить то, что предлагаю тебе я.

– Но... Я не...

– И про аборт твой от Коротаева знаю.

У нее от услышанного живот заболел.словно внутри провернули нож. Как тогда, после операции, когда отошел наркоз.

– И часто вы своим клиенткам предлагаете брак? – Она уже не знала что говорить и как себя вести. То ли обижаться на него и дать пощечину, то ли благодарить уже хотя бы за то, что он хочет ей помочь. Реально.

– Второй раз.

– И кто же был тогда, в первый раз?

– Моя жена. Но это было тридцать лет тому назад. Она умерла в прошлом году. Вот так.

– Извините... И что же теперь делать?

Этот вопрос она должна была задать прежде всего себе, и уж никак не собиралась его озвучивать. Но слова сами вырвались, словно в подтверждение ее слабости, растерянности и, чего уж там, колебаний. Она колебалась, и он это почувствовал.

– Соглашайся, Наденька. Ты ничего не потеряешь. Да, я не молод и не красив, зато богат. И где гарантия, что, встретив молодого красавца, ты на следующий день не повесишься от отчаяния, что и он тебя предал?

Да, такое могло случиться. Она не разбиралась в людях, ей и мама об этом постоянно твердила. И все потому, что в их семье никогда не лгали, что ее просто хорошо воспитали, а поэтому она в каждом новом человеке видела прежде всего все хорошее. И только когда ее обманывали, уже откровенно, глядя бесстыжими глазами в ее честные глаза, она понимала, что ошиблась в очередной раз. По словам мамы, она просто притягивала к себе пройдох и мошенников. Но если раньше рядом всегда была мама, а потому ей не так страшно было переживать все свои обиды и разочарования, то теперь, когда ее не стало и когда она осталась совсем одна, с грузом долгов и проблем на плечах, как жить? На кого надеяться?

– Зачем вам этот брак?

Вопросов было много. И таких, как она, безденежных молодых девушек, которые закладывали, вернее, даже продавали ему последнее золото, чтобы элементарно прокормиться, было немало в городе. Так почему она? Почему?

– Я влюблен в вас, – проговорил, обращаясь к ней уже на «вы», этот синегубый карлик, этот волшебник, единственный в ее жизни человек, который реально мог решить ее проблемы.

Разве такой человек, алчный и бессердечный, может вообще любить?

– И давно? – Она тянула время, чтобы понять, можно ему верить или нет.

– С тех самых пор, как увидел вас однажды в театре, куда вы приходили со своей матерью. На вас еще тогда было красное платье с черной кружевной шалью.

Надя остолбенела. Оказывается, он еще и в театр ходит!

Театр в городе был один, вернее, даже не театр, а так называемый клуб молодежи, куда время от времени со спектаклями приезжала труппа Екатеринбургского драмтеатра. И да, действительно они с мамой старались не пропускать ни одного спектакля. И платье красное с черной шалью у нее имелося.

– Я понимаю, вам сейчас трудно и нужно подумать. Даю вам полчаса. Вы можете прогуляться по парку, поразмышлять. Но потом возвращайтесь, все равно у вас нет другого выхода. Вы же не собираетесь сбегать из города. Вы не такой человек. Не так воспитаны. А потому вам все равно придется распрощаться со своей квартирой, и лучшее, что вы можете потом сделать, это снять комнату в квартире с какой-нибудь бабушкой, которая будет вас раздражать и которую вы вскоре возненавидите. Вам противно будет пользоваться ее ржавой ванной и унитазом, вы будете воротить нос от ее запахов, от ее кастрюль с месивом вместо нормального супа, а потом бабушка впадет в маразм и будет требовать у вас квартплату чуть ли не каждый день по причине своего склероза и слабоумия. Вам все это надо? Подумайте хорошенько и вспомните вашу маму. Вот она точно уговорила бы вас на этот брак. Я – человек достойный и никогда не обижу вас, я знаю, как сделать вас счастливой.

А может, это сон? Она незаметно ущипнула себя за бедро. Да нет, не сон. Вот он, стоит перед ней и предлагает ей новую жизнь.

– Повторяю, подумайте о вашей матушке, такую ли судьбу она вам желала? Вы думаете, что она страдала, умирая, только физически? Нет, моя дорогая Наденька, умирая, она думала о вас, о том, что ее болезнь разорила вашу семью окончательно, и понимала, что вам, без ее помощи, не выплатить ипотеку. Ведь это она зарабатывала деньги, не вы. И вот теперь там, на небесах, она смотрит на нас и волнуется, переживает и просто умоляет вас согласиться выйти за меня. Она была здравомыслящей женщиной и понимала, что деньги играют в жизни не последнюю роль.

Надя представила себе маму, сидящую на облаке и смотрящую вниз, на нее, в растерянности стоящую перед Семеном Михайловичем, обещавшим ей золотые горы, и ей стало совсем уж нехорошо. Но он был прав, она действительно страдала, понимая, что все те деньги, кото-

рыми Надя расплачивалась в больнице, она занимала. И что теперь все их планы рушились прямо на глазах. Планы на хорошую жизнь в новой квартире, на путешествия, на новые наряды. Она так хотела видеть свою дочь счастливой и ни в чем не нуждающейся! И как радовалась, когда начала хорошо зарабатывать! Как же несправедливо устроена эта самая жизнь!

Что самое страшное и неудобное ждет ее в браке с этим скупщиком? Он целыми днями так и будет сидеть в этой своей каморке под лестницей, загребая золото. И возвращаться будет лишь вечером. Домработница будет готовить и убираться, а она, Надя, будет принадлежать целый день себе. Даже ужин с ним она сможет еще как-то вынести. Значит – ночь? Спать с ним в одной постели, терпеть его – вот чего она может не выдержать. Да ее стошнит в первую же ночь! Что, если сослаться на нездоровье?

Мысли вокруг этой темы бродили как прокисшее вино.

– Я никогда не жила в браке, не знаю, как все это происходит... У меня будет хотя бы какая-нибудь свобода или же я целыми днями должна буду сидеть дома и поджидать вас с работы?

– Полная свобода, поездки, встречи с подругами. Я не приму только измену.

– Вы ревнивый?

– Нет. Если уж я выбрал вас, Наденька, значит, я вам доверяю полностью.

– Вы не грубый?

– Нет. Мы живем в маленьком городе, и вы можете навести справки обо мне. Расспросите моих соседей или родственников моей покойной жены, и они скажут вам, что я был хорошим и заботливым мужем.

Интересно, как же она может узнать о нем, когда ей нужно дать ему ответ через полчаса?!

– Почему полчаса? Дайте мне время подумать.

– Хорошо. Так и быть. Даю вам время – два дня. И если вы не против, то я пожалуй к вам на поминки. Послезавтра, да? Я приду в шесть вечера, раньше не могу, у меня работа.

Она хотела спросить его, на какие деньги она будет покупать продукты, но он опередил ее и, вернувшись к себе за прилавков, достал из ящичка деньги и протянул ей. Пятьдесят тысяч рублей. Он веером развернул купюры, чтобы она могла увидеть их количество.

– Но я не был бы Липкиным, если бы не подстраховался, понимаете? Поэтому вы оставите у меня подвеску. Конечно, она стоит сущие копейки, она очень легкая, да и рубин там дешевый. Другое дело, что она дорога вам как память о матери. Вот поэтому я даю вам целых пятьдесят тысяч, как бы демонстрируя вам свою щедрость и желая расположить вас к себе.

Слушать его было крайне неприятно.

– А если я скажу вам через два дня «нет»? Что будет тогда? Еще один долг?

– Вы согласитесь. Повторяю, у вас нет другого выхода.

– И все же? Мало ли что может случиться!

– Чудес не бывает, моя дорогая Наденька. Если вы предполагаете, что те ваши друзья, что придут помянуть вашу матушку, вдруг все разом простят вам ваши долги, то не обольщайтесь. Такого не будет. Больше того, если поначалу они будут пить и закусывать, искренне поминая Антонину, то потом начнутся уже другие разговоры. Они все, как по команде, напомнят вам о ваших долгах, начнут рассказывать уже о своих проблемах, которые они могли бы решить, верни вы им деньги. Вот так все будет. И после того как они уйдут, вы будете рыдать на кухне, моя тарелки. Но рядом окажусь я, понимаете, и если вы будете благоразумной и дадите мне ответ до того, как придут эти стервятники, чтобы поесть сладкой кутьи, то мы объявим им о нашей, так сказать, помолвке, и я пообещаю им в самом скором времени вернуть долги. Вот тогда вы увидите, какими глазами они будут смотреть на вас, сколько уважения вы прочтете в их взглядах.

– Хорошо, я согласна, – произнесла она тихо, словно стыдясь себя. – Пусть все так и будет, Семен Михайлович.

Она положила деньги в сумку и уже направилась было к двери, как он вдруг взял ее за руку и притянул к себе. Она зажмурилась, ожидая его поцелуя и даже успев представить себе горький нафталиновый вкус его губ, но ничего такого не произошло. Он стоял с закрытыми глазами рядом с ней, совсем близко, и вдыхал запах ее шеи, волос, ее запах.

– Вы, Наденька, пахнете, как роза, – сказал он приглушенным голосом и как-то особенно интимно. Она почувствовала, что краснеет. – Однако подвеску все же оставьте. Дело принципа, знаете ли.

Вот после этих слов она вспотела. От унижения, стыда, ужаса. Какой же он мерзкий! И далась ему эта подвеска!

Она дрожащими руками достала кошелек, открыла его и извлекла маленький золотой ромбик с рубином, протянула ему.

Семен Михайлович посмотрел на нее как-то странно, строго и вместе с тем задумчиво.

– Не сердитесь, не надо, прошу вас. И не думайте обо мне плохо. Вы уже дали мне ответ, и я теперь полностью доверяю вам. Да и дело вовсе не в деньгах. Я уверен, что вы не передумаете.

– Но тогда зачем вам эта подвеска? – спросила она его, давясь слезами. – Потому что вы – скупщик? Потому что у вас это в крови?

– Нет, моя дорогая. Странно, но вам почему-то не пришло в голову, что я живой человек, влюбленный в вас мужчина, и что мне просто захотелось оставить что-то у себя в залог нашей любви. Уже очень скоро все ваши драгоценности, если их так можно, конечно, назвать, снова вернутся к вам и будут лежать в шкатулке с остальными, уже подаренными мной, настоящими драгоценностями.

– Простите меня... Я действительно не подумала... Хорошо, договорились, послезавтра я жду вас в шесть вечера. Только приходите обязательно, мне на самом деле будет тяжело... одной... без вас...

2

Стол накрыли в гостиной, сохранившей следы прежней, благополучной жизни, с хорошей мебелью, картинами на стенах. И скатерть Надя решила постелить новую, с вышивкой. Помогать готовить пришли соседки, те самые женщины, которым, как оказалось, в тот момент ей было еще труднее смотреть в глаза, потому что больше всего их занимал как раз вопрос о том, а где она взяла деньги на этот раз. Ведь продуктов было закуплено много, и поминальный обед должен был получиться не скудным, как Надя предполагала это вначале, когда она решила продать мамину подвеску, а просто роскошным. Мяса и рыбы было много, пироги заказали у одной знакомой, которая лучше всех в городе пекла. Накрывая на стол, Надя плакала, настолько не вязалось это предстоящее обжорство с тем горем, что она переживала. И зачем только люди устраивают эти поминки? Зачем так много есть и пить? Не случайно люди, наевшись и забыв, зачем пришли, начинают за столом петь песни.

– Что, Надя, снова денег заняла? – все-таки не выдержала Лариса Петровна, одна из соседок, молодящаяся одинокая дама, большая любительница цветных нейлоновых костюмов и белых медицинских сабо. Она красила ресницы раз в неделю, поэтому под нижними веками у нее всегда была темная пыль. Она, повесив луковую шелуху на одно ухо, резала лук для селедки – где-то вычитала, что таким образом не щиплет глаза.

– А что еще оставалось делать, Лариса Петровна?

– Отдавать чем будешь?

– Скоро все в моей жизни изменится. И у меня будут деньги.

– В смысле... – Нож завис над доской с луком. – Работу другую нашла? Или банк ограбила?

Шутка была грубой, поэтому Надя решила не отвечать. Позже она услышала, как несколько женщин, помогающих ей на кухне, шепчутся о ней, она слышала слова «долги», «ипотека», «кредит» – ничего нового.

Кухня была заставлена кастрюлями с горячими щами, пюре, компотом. В тазиках под крышками были салаты, в большом контейнере на подоконнике томились пироги с мясом и капустой. К шести часам повалил народ, знакомые и полужнакомые люди, которые рассаживались вокруг стола с видом гостей, пришедших на день рождения, сидели, болтали, и мало кто поглядывал на установленный на особом месте портрет мамы в черной рамке.

Наде казалось, что ей снится какой-то странный и злой сон. Она, разнося тарелки, вглядывалась в глаза пришедших, пытаясь хотя бы узнать их. Было несколько человек с маминой работы, одна из женщин, уловив момент, встала из-за стола и сунула Наде в ладонь рулончик денег, мол от работы. Надя сердечно ее поблагодарила, кивнула и тем, кто вложился в эту помощь. Сунув деньги в карман фартука, она снова метнулась на кухню, где ее поджидали новые порции щей. Конечно, она поглядывала на дверь, ожидая Семена Михайловича. Она с трудом себе представляла, как он сейчас войдет, сядет за стол, чтобы потом, прямо вот здесь, на поминках, объявить о помолвке и пообещать многим из присутствующих раздать ее, Надины, долги. Должно быть, тогда все прекратят работать ложками и уставятся на него. Это будет шок. Для всех. А завтра все ее кредиторы вздохнут с облегчением. Надя, отряхнувшись, выберется из долговой ямы и будет готовиться к свадьбе. Пусть даже к самой скромной, но все равно ей наверняка купят белое платье, закажут столик в ресторане. И что будет дальше?

После щей было съедено второе, гости нахваливали еду, объедались селедкой и соленой семгой, пирогами и время от времени произносили несколько слов, вспоминая Антонину-покойницу.

«А что, он целыми днями будет на работе, а я буду предоставлена сама себе».

Эта мысль грела Надю до тех пор, пока она в нее верила. А вдруг он ее обманет и поселит в какую-нибудь мрачную квартиру и запретит ей вообще выходить из нее? И денег не будет давать!

В какой-то момент она поняла, что устала, что ноги гудят, голова раскалывается, а перед глазами все расплывается. Она присела за стол, на пустой стул, придвинула к себе тарелку и съела несколько ложек горячих щей. Сделала это машинально, словно организм сам подсказал ей, что нужно делать. Она же сутки почти ничего не ела!

– Очень вкусные щи, – услышала она над самым ухом, повернулась и встретила взглядом с незнакомым молодым мужчиной. Карие глаза, белокурые волосы. Улыбка до ушей. И чего это ему, интересно, так смешно?

– Со мной что-то не так? – Она нахмурилась, готовая сказать что-то неприятное гостю.

– У вас нос в сахарной пудре.

– Что? – Надя потеряла нос. Откуда взялась пудре? На кухне нет ничего, что могло быть посыпано пудрой. Бред какой-то!

– Я пошутил. Извините. – И лицо молодого человека стало моментально серьезным. – Веду себя как идиот. Но я не понимаю, почему все сидят с такими физиономиями? Ведь никто не грустит. Никто не знал так хорошо вашу маму, как я.

– Что-о-о? А вы кто? С работы?

– Нет, я лежал с ней в одном отделении, в больнице. Чудесная была женщина, очень любила жизнь. Мы с ней часто подолгу беседовали.

– Вы тоже... болеете?

– Да... – Его губы снова тронула улыбка. – Но у меня ремиссия, знаете ли. Поэтому не хочу грустить. Жизнь, она такая короткая.

– Ну и правильно!

Наконец начали подходить подруги мамы, Надя встала из-за стола, чтобы встретить их. Две женщины во всем черном, как и подобает. Тетя Маша и тетя Оля. Пожалуй, единственные женщины, с которыми Наде было легко общаться – у них она не успела занять денег, вернее, и не пробовала даже занимать, потому что знала, что их просто нет. Тетя Маша была учительницей начальных классов, и все знали, что у нее муж алкоголик, который все пропивает. Тетя Оля работала хирургической сестрой, неплохо зарабатывала, но все свои деньги тратила на лечение своего единственного сына от наркомании.

– Как ты, Наденька? – Женщины обняли ее. – Ты чего не заходишь к нам?

– Рядом с больницей кафе есть, могла бы туда заглянуть после трех, я там всегда кофе пью.

– Обязательно зайду, тетя Оль. И к вам тоже. Просто как-то... настроения не было.

– Да какое уж там настроение?! Но просто посидеть, поговорить. Может, помощь какая нужна? Деньгами-то мы вряд ли смогли бы помочь, но кое-что из погреба точно бы дали. Закрутки разные, варенье. Картошка, правда, уже закончилась, июль все-таки... И так до мая дотянули.

– А кто эти люди?

– Не знаю... Какие-то знакомые, наверное.

– Да вон, смотри, зашла только что, местная алкашка, ее Наташей зовут. Ты смотри, чтобы она не украла ничего в доме. Накормить – накорми, а потом постарайся выпроводить.

– Да, конечно, накормлю... Ладно, мне надо идти на кухню. А вы присаживайтесь. Вон, два места свободных на той стороне стола, сейчас щи принесу.

За окном уже смеркалось, в гостиной зажгли свет. А Семена Михайловича все не было. «Обманул, гад».

Что же это получается? Что он просто заплатил ей деньги за подвеску? Интересно, и сколько же она стоит в таком случае? А может, те белые прозрачные камни, что окружали рубин, были брильянтами? Или рубин стоящий...

Но не успела она подумать об этом, как увидела его. Своего будущего мужа. В черном костюме и темно-синей рубашке с расстегнутым воротом. Волосы его седые с черными прядями аккуратно зачесаны назад. Ни с кем не здороваясь, он присел на самом краю стола и как будто бы не замечал Надю.

Она сама решила к нему подойти.

– Спасибо, что пришли.

– Как же я мог, Наденька, не прийти, когда мы с тобой уже обо всем договорились? Я вижу, что ты сделала все правильно, стол хороший накрыла. Вот только народу что-то больно много. Кто все эти люди?

– Не знаю... Какие-то знакомые, соседи, коллеги...

– Понятно. Знакомые знакомых. Ладно, пусть уж себе поедят.

И вдруг он встал и постучал вилкой по рюмке, призывая всех сделать паузу и выслушать его:

– Друзья мои... Мы все собрались здесь для того, чтобы помянуть прекрасную и добрую женщину, Антонину...

Да, может, он говорил и какие-то дежурные для этого случая слова, но Надя все равно была благодарна ему за это. Он единственный, кто вообще так много и хорошо говорил про ее мать, и это при том, что они с ней наверняка не были знакомы.

Рядом с Надей присела за стол Наташа, «алкашка». Она вообще не слушала Семена Михайловича, взяла ложку и принялась накладывать себе кутьи. Седая, одетая в мятый мужской спортивный костюм, дурно пахнущая, она сидела и ела, не обращая ни на кого внимания. Какая голодная, подумала Надя.

– ...сегодня непростой день. Да, конечно, Тоня покинула нас, и это очень грустно, нам всем будет ее очень не хватать, но пусть там, – Семен Михайлович задрал голову к потолку, к люстре в виде прозрачного горящего цветка, – где она сейчас находится и откуда наблюдает за нами, ей будет спокойно за свою дочь. Потому что пусть это и не очень кстати, но все мы живые люди...

Он говорил так много, что люди уже порядком утомились, слушая его, и кое-кто снова взялся за ложку или вилку, чтобы продолжить свой обед.

– ...и Наденька согласилась выйти за меня замуж. Вот, собственно, это и все, что я собирался вам сообщить. А посему, если здесь находятся те, кому моя будущая жена задолжала...

Надя почувствовала, что лицо ее горит, словно его посыпали перцем! Какой стыд!

– ...то пусть они будут спокойны – все долги нами будут возвращены.

Как это ни странно, но именно последняя фраза вызвала реакцию собравшихся. Люди начали перешептываться, хотя именно в этот момент за столом и не было всех тех, кому Надя задолжала.

– Что это за придурок? – спросил сидящий по левую руку от нее молодой человек с карими глазами и светлыми волосами. – Он что, сбежал из психушки?

Надя закрыла глаза и ничего ему не ответила. Пусть думает что хочет.

– Если желаете, я его выпровожу, – предложил он веселым голосом. – Бомжиха какая-то сидит рядом с вами... Гоните их в шею!

И стоило ему это произнести, как Наташа, это полупьяное чудовище в спортивном костюме, вдруг схватила за горло, глаза ее расширились, словно она увидела перед собой кого-то страшнее себя, потом захрипела и повалилась на соседний стул, а оттуда сползла уже на пол. Кто-то за столом закричал, люди начали вскакивать со своих мест...

– Так, спокойно, без паники... Человеку плохо стало, – с видом хозяина дома или, во всяком случае, человека, который в силах взять ситуацию под свой контроль, вскричал скупщик Липкин. – Выпила лишнего, делов-то!

– «Скорую» надо вызвать, «Скорую»!

– Господи, ужас-то какой!

– У нее было такое лицо, словно ее отравили!

– Да чем отравили-то? Мы же здесь все пили эту водку...

– А она точно водку пила, не вино?

– Она со всего стола брала рюмки с остатками водки и допивала. Вы же все это видели!

– Вам кто-нибудь говорил, что вы очень красивая?

Надя резко повернулась. Похоже, это он сам, этот красавчик-блондин, сбежал из психушки. Нашел время для комплиментов!

Она вдруг поняла, что сделала огромную ошибку, решив устроить эти пышные поминки. И с последним золотом рассталась, и Семену Михайловичу пообещала замуж за него выйти, и все это ради чего? Ради того, чтобы накормить на сорок дней толпу практически незнакомых ей людей?

– Послушайте, вы вообще соображаете, что говорите? – зашипела она на него. – Лучше бы «Скорую» вызвали.

– Да здесь полиция нужна! – воскликнула соседка Лариса Петровна, и Надя заметила, как улыбка исчезла с лица соседа.

– Ее отравили!

– А вы откуда знаете? – спросил кто-то из столпившихся вокруг бесчувственной Наташи.

– Кино смотрю много. Там всегда вот так берутся за горло, когда яд... Большого ума не надо.

Между тем Надин жених разговаривал по телефону, скорее всего общался с кем-то со станции скорой помощи.

– ...на поминки... женщина перебрала, схватила за горло и упала... без сознания. Нет, я не знаю ее имени и не знаю, сколько ей лет, приезжайте уже!

– У вас глаза очень красивые и ресницы длинные... Так и хочется их поцеловать...

Надя посмотрела на молодого человека, который всем своим поведением выказывал полное неуважение к тому, что вообще происходило в этом доме, и покрутила пальцем у своего виска.

– Думаю, что помимо полиции и «Скорой помощи» надо бы вызвать еще и карету для оказания острой психиатрической помощи! – шепотом крикнула она, да так, что засадило в горле.

– Послушайте. – Молодой человек зашептал ей в ухо, и теперь его тон был совершенно другим. – Вас ведь зовут Надя? Надежда Сурина? Я ничего не напутал?

– Нет, ничего... – Она попыталась отпрянуть от него, потому что не знала, чего еще, кроме неуместных комплиментов, можно ждать от этого совершенно незнакомого ей типа. – Я понимаю, вы знали мою маму и пришли помянуть ее, вероятно, вам кто-то сказал об этом, может быть, даже кто-то из больницы, где она так долго лежала... Но ваше поведение...

Между тем в гостиной стало очень тихо, да так тихо, что, возможно, кто-то из присутствующих, а их было человек пятнадцать, мог услышать их разговор.

– Наденька! – Семен Михайлович неестественно высоким голосом оборвал свою невесту, пытаясь привлечь ее внимание. – Эта женщина-то умерла!

Надя отпрянула от своего соседа, вскочила с места, только сейчас начиная осознавать, что смерть произошла в ее квартире и что теперь она будет как бы отвечать за это. Слова о том, что женщину отравили, не могли остаться незамеченными, как бы ее сосед ни пытался ее отвлечь.

Вот сейчас самое время было Семену Михайловичу продемонстрировать свое отношение к Наде, проявить заботу, взять все хлопоты на себя.

И только она подумала об этом, как увидела его уже рядом с собой. Он, крепко пахнущий одеколоном, склонился над ней и сказал четко и не тихо и не громко, но так, чтобы слышали все:

– Ни о чем не беспокойся, я сам буду разговаривать и с врачом, и с полицией... Запомни – ты ни в чем не виновата. Эта особа могла с самого утра упиться жидкими резиновыми перчатками...

– Чем-чем?

– Такой китайский латекс... Да это и не важно! Ты же видишь, все мы живы и здоровы, и только эта женщина умерла. Ты же не покупала паленую водку?

– Нет, что вы!

Она заметила, что он, воспользовавшись ситуацией, обращался к ней уже на «ты».

– Словом, оставайся на месте и ни о чем не беспокойся. Скорее всего, никого отсюда не выпустят, если действительно предположат отравление. Возьмут еду на экспертизу. Повторяю, ни о чем не переживай. Я все разговоры возьму на себя.

И вдруг он, как-то неуклюже клюнув ее в щеку, как носатый черный ворон, резко повернулся на каблуках и быстрым и решительным шагом направился к двери.

– Если придет полиция, мне конец, – услышала Надя знакомый голос.

– Да что вообще происходит? И какое мне дело до вас и полиции?!

– Я ухожу, но вернусь. Вот когда все поутихнет, тогда и вернусь. И не вздумайте оставлять этого старикана у себя, понятно? Паук!

Она ошарашенно смотрела на своего соседа. Он тоже, похоже, разволновался, и на его бледных щеках проступили розовые пятна.

– Если что, меня зовут Григорий.

С этими словами он поднялся (высокий, статный, молодой! – ну полная противоположность внезапно появившемуся в ее жизни жениху) и, подмигнув ей (или ей это показалось), покинул гостиную. Надя, которую колотило от всего, что происходило вокруг нее и с ней самой, стуча зубами заставила себя повернуться в ту сторону, где лежало невидимое ей тело мертвой старухи-бомжихи (она свалилась куда-то под стол), и поняла, что совсем не готова встречаться ни с работниками «Скорой помощи», ни тем более с полицией. Если Наташу действительно отравили, то ее, Надю, обязательно будут допрашивать, где она покупала алкоголь, продукты, непременно начнут расспрашивать, откуда у нее, человека с такими официальными (и неофициальными) долгами, появились деньги на поминки. Будут опрашивать всех тех, кто находится в ее квартире сейчас и кто был до этого, потому что яд мог подсыпать или подлить кто угодно. Вот только кого хотели отравить? Уж точно не Наташу. Кому она нужна? К тому же люди же видели, как она допивала из всех рюмок, что стояли на столе. Последняя рюмка, судя по всему, находилась неподалеку от того места, где лежали приборы самой Нади. Но ее рюмка с водкой стояла нетронутой.

Некоторые гости, если их так можно было назвать, вернулись на свои места и, поглядывая на дверь, доедали закуски и остывшее «горячее». Это больше всего поразило Надю. Две женщины неопределенного возраста, которых она видела первый раз, спокойно уплетали салат, селедку... Лариса Петровна смотрела на них с таким же недоумением.

– Женщины, вы уж извините, что я вас отвлекаю, но вы... того... не боитесь? А вдруг еда отравлена? – наконец не выдержала она и бросила на Надю виноватый взгляд – взгляд предательницы.

– Вообще-то я тоже так считаю, – неожиданно для нее поддержала Надя. Понятно же, что отравитель не имеет ничего общего с хозяйкой.

– Да эта Наташка чего только не пьет! – отмахнулась одна из женщин, продолжая работать вилкой. – Пить уж точно нельзя, яд может быть исключительно в водке.

Каких только людей не бывает!

На мгновение Надя почувствовала себя героиней какой-то жуткой черной комедии, дурацкого фарса. Вот только смеяться почему-то не хотелось. Ну как, как такое могло случиться, что в столь печальный для нее день, когда ей и без того было тяжело, в ее доме умер человек?

«Если придет полиция, мне конец», – вдруг вспомнила она слова симпатичного блондина. И кто этот человек? Зачем он приходил? Все ну очень странно и жутко!

Но даже не смерть Наташи или поведение незнакомого ей молодого человека тяготили ее, а то объявление, что сделал Липкин в присутствии большого количества людей. Что они теперь о ней подумают? Только одно – она продалась ему. За деньги. Она, молодая девушка, согласилась выйти замуж за старика. История не нова. Быть может, не стоило все же объявлять о помолвке, да еще и в такой день? Могли бы по-тихому расписаться, да и все! Она понимала, что старик сделал это специально, чтобы у нее уже не было обратного хода. Чтобы она уже не смогла отказаться от своего обещания.

Представила себе маму, живую, здоровую, в момент, когда она узнала бы о том, за кого ее любимая и единственная дочка собирается выйти замуж, – вряд ли она бы порадовалась за нее. Скорее всего, заплакала бы. Вот и Надя тоже заплакала. Она вдруг поняла, что попала в зависимость от этого человека. И что она его совсем не знает. Да, он наобещал ей золотые горы, но что ее ждет на самом деле, кто может знать? Да не станет она искать и расспрашивать друзей и родных его покойной жены, чтобы выяснить, каким он был мужем. Глупости все это. И вообще все – ужасная глупость, сотворенная от отчаяния.

Девушка спрятала лицо в ладонях и заплакала уже по-настоящему. «И не вздумайте оставлять этого старикана у себя, понятно? Паук!»

Его звали Григорием, этого парня. Надо же, как точно он охарактеризовал Семена Михайловича! Он на самом деле похож на паука. А паук, как известно, затягивает жертву в свою паутину и убивает ее, высасывает из нее жизнь. Вот и из Нади тоже высосет всю ее молодость и красоту.

Полиция и врач «Скорой помощи» появились почти одновременно, и главной фигурой, которая все им объясняла, был ее «паук». Она попыталась увидеть его со стороны. Как ни странно, он производил впечатление умного и ответственного человека, у него была правильная и грамотная речь, возможно, он начитан и вообще много знает. Ну и взрослый, конечно. Чувствуется, что он сам многое пережил и знает, как вести себя в той или иной ситуации. Он расположил к себе всех, кого занимал теперь вопрос смерти всем хорошо известной старухи-бомжихи. Надя сидела на своем месте, боясь пошевелиться. Ей казалось, что если к ней сейчас подойдут и начнут задавать вопросы, то она просто потеряет сознание и так же, как и несчастная Наташа, свалится под стол. Ну не готова она была ко всему этому ужасу!

Приехал эксперт, пожилой мужчина с копной седых волос, принялся рассматривать то ужасное, ради чего все и прибыли. Надя по-прежнему не видела покойницу. И не хотела на нее смотреть.

– Похоже на отравление. – Фраза, подброшенная в воздух экспертом, ударила Надю по голове. Значит, яд. – Все покажет вскрытие.

Понятное дело.

Все то, что происходило после, она почти не помнила. Это был какой-то ад. Она физически не могла воспринять допрос, мелькание незнакомых лиц, тошнотворный запах пищи вперемежку с табачной вонью. Все мужчины, находящиеся в квартире, курили и давили свои окурки в тарелках с остатками еды. Смотрелось все мерзко, отвратительно. Словно им позволено было по штату превратиться в настоящих свиней.

Следователь с ее помощью пытался составить список всех тех, кто успел побывать на этом поминальном обеде.

– Вы хотите сказать, что не знаете тех людей, что приходили к вам?

– Некоторых знаю, конечно, но многих – нет.

– Ваша мама была человеком общительным?

– Я не сказала бы. Но она работала среди людей, в больших коллективах, возможно, ее там хорошо знали, думаю ценили, поэтому и пришли. Многие из них были и на девять дней. А вот на кладбище людей было мало. Возможно, потому, что шел дождь.

Господи, поскорее бы закончился этот день!

И он закончился. Тело Наташи унесли. Эксперты, упаковав в свои пакетики все, что их интересовало в плане еды и питья, позволили ей наконец прибраться. И Надя, распахнув все окна и впустив свежий воздух, принялась с каким-то остервенением уносить грязную посуду на кухню, все мыть, убирать, раскладывать по контейнерам, запихивать в холодильник. Оставшиеся пироги нарезала на куски и, завернув в пакеты, раздавала людям (их всех отпускали по домам!). И проделывая все это, спрашивала себя, как же это могло произойти, что ей никто, ни один человек ничего не сказал о том, что отравлена могла быть все-таки еда. Те же пироги... Или она просто сходит с ума? Как может быть отравлена еда, когда все, за исключением Наташи, живы и здоровы?

Как-то легкомысленно проводилось следствие, да и вопросы задавались глупые, дежурные. Надя подумала еще тогда, что, умри другой человек, не Наташа, и вопросы были бы другие, и как-то посерьезнее бы все происходило. Да и людей вряд ли так быстро бы отпустили.

Но самым чудовищным и циничным она считала тот факт, что после смерти старушки никто ни разу не вспомнил ту, помянуть которую они приходили. Но пришли же, и кто эти люди? Она маялась, не в силах все это, весь этот бред, осознать.

Ответ на свой вопрос она получила совершенно неожиданно.

Когда за последним посетителем закрылась дверь и Надя осталась в квартире только со своим женихом, он, выпив полную рюмку водки, – бутылку он откупорил собственноручно, – сказал, как сплюнул:

– Я узнал – какой-то идиот поместил объявление о поминках в пенсионерском клубе. Вот кто эти люди, поняла?

Ее словно водой холодной окатили.

– Не расстраивайся, Наденька, что с того, что накормили чужих людей? Все доброе дело сделала. Не жалеи. Пенсии у людей небольшие, многие голодают, вот и пришли покушать.

Он мог бы сказать иначе, если бы был злым и жадным человеком, подумала Надя, цепляясь за любую информацию, за любую мелочь, которая позволила бы ей лучше узнать человека, за которого ей предстояло выйти замуж.

– Да я и не жалею...

Ей хотелось остаться наконец одной, разобраться в своих мыслях и чувствах. Она понимала уже, что совершила большую ошибку, согласившись на этот брак. Но, с другой стороны, что, если он действительно выполнит свое обещание и заплатит ее долги?

Она продолжала дрожать, ее подташнивало.

– Потом домоешь посуду, я тебе помогу, – вдруг услышала она и почувствовала, как Семен берет ее за руку и куда-то тянет.

– Что? Что вы хотите?

– Покажешь мне свою квартиру... – Маленькое, еще недавно бледное лицо Семена стало наливаясь краснотой. Глаза заблестели.

Надя поняла, что ему нужно, и почувствовала слабость в коленях.

– Вы что это придумали? – Она и разговаривала-то с трудом, словно у нее онемели губы.

– Наденька... Я же тебе помог? Я же обещал, что буду помогать тебе во всем. Но и ты тоже должна доказать мне свою если не любовь, то хотя бы благодарность. Днем позже, днем раньше, но это должно произойти.

Она стряхнула его руку со своей, шарахнулась от него в сторону и больно ушиблась бедром о стоящий рядом стул.

– Вот когда долги мои заплатите, тогда и получите то, чего хотите, – сказал кто-то внутри нее, кто-то более сильный и пока еще с мозгами.

Он рукавом вытер пот со своего лица. Грудь его вздымалась. На кончике длинного носа блестела капля пота.

– Да... ты права. Прости меня. Что-то я совсем... Так не вовремя. Понимаю. Просто целый вечер на тебя смотрел и думал только об одном. Представлял.

Они стояли друг напротив друга, и обоим было неловко и стыдно.

– Семен, спасибо тебе за все. – Она просто заставила себя это сказать, обратившись к нему не по имени-отчеству, а просто по имени, как бы давая ему понять, что готова сейчас хотя бы на такое сближение. И на авансовое «ты», что далось ей с трудом. – Ты действительно помог мне сегодня. Вернее, и сегодня тоже. Мне надо немного времени, чтобы прийти в себя.

– Да, я понимаю... Сам не знаю, что со мной происходит... Я так мечтал о тебе, все эти ночи не спал. Ты не думай, я не старый еще... Я здоровый и крепкий мужчина. И ты очень нравишься мне. Давно уже...

Паук уже давно плел свою паутину. Все про нее вызнал и вонзил свое жало в тот самый момент, когда она была наиболее слаба и уязвима. Когда от нее как от личности осталась лишь одна оболочка. Когда все ее окружение презирало ее. Когда она не знала, как ей жить дальше.

– Ладно, дорогая Наденька.

Он привлек ее к себе и поцеловал быстро в губы. Потом, словно не находя слова, чтобы как-то завершить разговор, просто развел руками, кивнул и, пробормотав: «До завтра», бросился к выходу. Уже в дверях остановился, повернулся к ней и сказал:

– Завтра в десять я приду, мы с тобой составим список всех, кому ты задолжала, и я выполню свое обещание. Спокойной ночи, дорогая. Ложись, завтра помоешь посуду. Там, где мы будем с тобой жить, тебе не придется ничего мыть и убирать. Помнишь, да? Все будет хорошо.

И он ушел.

3

Она лежала на кровати, одетая, в темной спальне, и ждала, когда же ее тело отдохнет и снова наберется сил, чтобы продолжить мыть посуду. Спину ломило, ноги гудели, а голова просто раскалывалась. Она вспомнила, как мама часто говорила ей, когда у нее болела голова, что, мол, организму надо помогать и не позволять ему страдать от боли. Что надо выпить болеутоляющее. Вот и сейчас она словно бы услышала мамин голос, заставила себя подняться, включить свет и отправиться в ванную комнату, где в шкафчике была коробка с лекарствами. Она взяла две таблетки и проглотила, запивая водой из-под крана. В большой кастрюле на столе был компот, быть может опасный, как и все вокруг. Да чушь все это! Глупости! На днях станет ясно, чем была отравлена и отравлена ли вообще была Наташа.

Надя принялась мыть тарелки и складывать их стопкой. Через четверть часа примерно ей стало намного легче – голова перестала болеть. И все, что произошло с ней сегодня, показалось ей не таким уж и страшным. С Наташей все выяснится. С Семеном тоже она как-нибудь разберется и придумает способ, как не спать с ним. Скажет, к примеру, что он храпит, или придумает себе какую-нибудь болезнь, недомогание, чтобы избежать близости. Главное – это дождаться того момента, когда она освободится от долгов. В благодарность за это она постарается позаботиться о нем, попытается разглядеть в нем человека, найти все самое хорошее, что есть. Ну не зверь же он, раз пообещал помочь ей. В любом случае, пока он не выполнит свое обещание, она его к себе не подпустит. Все просто.

Вот так, успокаивая себя, она продолжала убираться на кухне, осторожно мечтая о домработнице и новой жизни. Хотя эту самую жизнь она представляла себе пока что весьма смутно. Было и еще кое-что, что придавало ей силы. Было в Семене что-то взрослое, как если бы он был ее отцом.

Последние годы в их жизни с мамой не было мужчины, и все проблемы они привыкли решать сами. Что, если ее муж действительно возьмет всю ответственность на себя и избавит ее вообще от каких-либо забот? Разве не об этом мечтает каждая девушка, собираясь замуж? И все бы ничего, будь он ну хотя бы немного помоложе и посимпатичнее... А вдруг он какой-нибудь извращенец? Или садист? Или дурно пахнет? Или у него противная кожа?

Нет, об этом лучше не думать. Нет-нет. Так можно и свихнуться.

В полночь раздался звонок в дверь. Полиция? Или Семен вернулся? Надя почувствовала, как кожа ее отреагировала на дурные мысли – она покрылась мурашками.

Подошла тихо к двери и заглянула в глазок. И сама не поняла, почему с какой-то радостью и отчаянием распахнула дверь. Григорий стоял на пороге и сиял, словно заранее знал, что ему обрадуются.

– Привет, подружка!

– Да какая я вам подружка? – попробовала она осадить его, но у нее ничего не получилось. Она действительно была рада его видеть. Вот с кем она немного выпьет и поговорит за жизнь. Как с попутчиком в поезде. – Ладно, заходите.

– Заходи, – поправил он ее, запирая за собой дверь. – Чего выкать-то? Никого же нет!

– Чего пришел? – Она и сама не понимала, почему улыбается. – Выпить паленой водочки захотелось?

– Ну да. Вместе с тобой.

Потом, гораздо позже, она спросит себя, почему она не испугалась его ночного визита? Почему ей даже в голову не пришло, что он явился к ней с определенной целью, как к женщине? Ведь она его совершенно не знала, он мог бы наброситься на нее, изнасиловать или ограбить, да мало ли?! Не было ни страха, ни предчувствия опасности. Наоборот, в квартиру словно ночью солнце закатилось и осветило все вокруг.

– Ладно, пойдем. Я такая голодная! Если не боишься, давай поедим, выпьем. Мне сейчас надо с кем-то поговорить. Представь, что мы в поезде...

Она не успела договорить, как увидела его широкую, лукавую улыбку.

– Да я так и понял, поэтому пришел.

– На самом деле?

– Ну да. Хотя нет, не только для этого. Во-первых, я предположил, что этот противный старикан будет приставать к тебе, пользуясь твоим состоянием, стрессом... Во-вторых, я у тебя кое-что забыл.

– Да? И что же?

Она усадила его в кухне за стол и принялась накладывать в тарелку салат, селедку. Вытерла насухо две рюмки, протянула своему ночному гостю бутылку коньяка, которую достала из книжного шкафа – кто-то подарил этот коньяк маме на день рождения года два тому назад.

– Если что-то забыл, то походи в комнату, может, на кресле, что там у тебя, куртка, сумка... Хотя я вымыла там полы, а когда поднимала стулья (соседи одолжили), то ничего не заметила.

Григорий встал и направился из кухни не в гостиную, а почему-то в спальню. Надя и тогда не испугалась, пошла за ним, даже и мысли не допуская, что в спальне может произойти что-то нехорошее. Вот если бы с Семеном отправилась туда, тогда другое дело.

Она удивилась, когда Григорий, решительно войдя в спальню, опустился на ковер и извлек из-под кровати спортивную сумку. Она впервые видела эту сумку.

– Ты что же это, вот так запросто зашел в спальню и спрятал здесь свою сумку?

– Ну да. А что? В доме было полно чужих людей. Ты и сама-то не знаешь, кто пришел к тебе поесть кутя.

– Семен сказал, что в каком-то пенсионерском клубе повесили объявление о поминках, вот и результат – куча голодного народа.

– Понятно.

Он встал и снова ей улыбнулся. Только теперь уже с заговорщическим видом.

– Ладно, пойдем уже. – Она кивнула в сторону двери.

– Пойдем.

За столом они выпили по рюмке коньяку, помянули маму.

– Слушай, Надя, а тебе не страшно вообще? – Григорий с аппетитом поедал салат.

– В смысле? Ты о чем?

– Ты же меня совсем не знаешь. Пустила в свой дом чужого мужика, пошла спокойно с ним в спальню...

Она поперхнулась, он вскочил и, отыскав глазами стакан, налил туда воды из-под крана и протянул ей.

– А что такое? Я не понимаю...

– Говорю – осторожнее надо быть. Ты же меня видишь первый раз! Мало ли что я наплел тебе про маму твою.

– Постой. – Вот теперь она почувствовала, как по спине ее словно проползла холодная змея. – Ты хочешь сказать, что обманул меня?

– Успокойся. Все нормально. Я не опасный.

Но она уже вскочила из-за стола. В глазах ее стояли слезы.

– Слушай, чего ты меня пугаешь? Думаешь, мне не хватило сегодня? Кто ты такой? Что, убивать меня пришел? Грабить? Давай начинай!

Григорий, вместо того чтобы ответить ей, наклонился над сумкой, что стояла возле ног, взвизгнула «молния», сумка раскрылась, и он достал какой-то сверток. Протянул ей.

– Вот, смотри.

– Что это?

– Открой и увидишь.

Она дрожащими руками принялась разворачивать черный пластиковый пакет. Внутри находилась кукла с всклокоченными буклями и в шапке-треуголке и небольшая коробка из-под зефира в шоколаде, а в ней – фотографии.

В воздухе произошло какое-то движение, словно Надя переместилась в другое измерение – так все это было странно и страшно. Запахло чем-то сладким, может, горячим какао или теплыми пирогами. На фотографиях была она, маленькая девочка, сидящая в песочнице в окружении таких же малышек – мальчиков. У нее в альбоме есть такие фотографии. Или вот – мама, с круглым животом, сидит в маленькой комнате, обои в цветочек, за спиной – круглый столик, ваза с розами. И эта фотография тоже ей знакома. Это мама была беременна ею, Надей.

Еще несколько снимков, где она с мамой в парке, на детской площадке...

Она успокоилась – это было первое чувство после того, как она развернула пакет. Григорий – не случайный человек, и он действительно был знаком с мамой. А то, что он намекнул ей о том, что она не должна вот так, запросто, впускать в свой дом посторонних – желание оградить ее от неприятностей. Что ж, он совершенно прав. И ей просто повезло, что Григорий не мошенник и не насильник. И что он просто хочет ей добра, потому и желает предупредить о том, как все это опасно. И ей даже оправдываться было бы глупо, она действительно поступила крайне неосмотрительно, когдапустила его к себе.

– Откуда у тебя это?

– А ты как сама думаешь?

– Если ты был знаком с моей мамой, то только она могла дать тебе эти фотографии. Вот только не понимаю, зачем?

– Скоро все поймешь.

Он интриговал каждым словом, каждым лукавым взглядом, каждой улыбкой, и сейчас, в такой тяжелый для нее день, все это ей было так необходимо!

– Вы разговаривали с мамой?

Зачем она его об этом спросила? Ясно же, что говорили. И когда она показывала ему эти фотографии, наверняка рассказывала о своей единственной дочери, грустила, плакала, понимая, что скоро они расстанутся, что болезнь унесет ее в иной мир, откуда она уже вряд ли сможет помочь ей.

Она бы и разрыдалась, если бы Григорий снова не улыбнулся ей своей потрясающей, легкой улыбкой.

– У тебя была замечательная мама, и я просто не мог не прийти сюда, чтобы не поговорить с тобой о ней.

Единственное, чего она не понимала – зачем маме понадобилось брать с собой в больницу фотографии. Хотя что же тут непонятного – она уходила и хотела видеть перед самым концом все то, что было ей дорого. Вот эти старые снимки.

– Ты сказал, что и сам болен...

– Оставим эту тему. Я поправлюсь. Надеюсь, во всяком случае. Ты же видишь, со мной все в порядке.

Она смотрела на него, и ей в который раз показалось, что она где-то уже видела это лицо. И, как это часто бывает, когда пытаешься что-то вспомнить, память подбрасывала какие-то картинки, запахи, ощущения, то особое настроение, словом все, что может быть связано с этим воспоминанием.

– Ты мне лучше скажи, зачем собралась замуж за этого мерзкого старикана?

– Что-о-о? Ты снова за свое?

– Разве ты не видишь, что это за человек? Ты совсем не умеешь разбираться в людях!

– Кто тебе сказал? С чего ты так решил?

– Ну, во-первых, это и так ясно, раз ты решила выйти за него замуж. Во-вторых, именно твоя мама рассказала мне об этом.

– О чем? О ком? Да как она могла?

– И про аборт рассказала, что переживает за тебя...

Надя машинально закрыла лицо руками. Да что вообще происходит? И как мама могла так поступить? Зачем рассказала ему обо всем? Неужели у нее от болезни рассудок совсем помутился, чтобы делиться такими интимными вещами о своей дочери?

– Значит, так, Григорий. Считаю, что ты мне обо всем этом ничего не говорил, хорошо? Иначе я выпрожаю тебя прямо сейчас, в ночь... Надеюсь, тебе есть куда пойти.

Он совершенно неожиданно для нее взял ее руки, открыв ей лицо, красное, с зажмуренными глазами.

– Ты не должна выходить за него замуж, поняла?

– Хватит! – крикнула она, уже не зная, куда себя деть и что делать. – Это не твое дело!

– Конечно. Это же не я собрался жениться на старухе. Ты – молодая, красивая девушка! Да ты вообще в своем уме?

– У меня долги! – вдруг выпалила она и замотала головой, словно это могло развеять все ее нехорошие мысли. – Уходи! Все. Достал!

– Долги есть у всех, но не все ломают свою жизнь подобными браками. Что он тебе пообещал? Вообще расскажи, что с тобой случилось? На-ка, выпей, может, тогда сможешь...

И он напоил ее. Чистым, неотравленным коньяком. Она пила и плакала. Напряжение исчезло, и теперь она видела перед собой только красивого парня, который лез ей в душу, проникал своими вопросами в мозг, заставляя ее выкладывать ему всю правду. Но ведь разве не для этого она впустила его? Разве не этого ей хотелось – услышать мнение постороннего человека о ее планах? Он назвал ее полной дурой. А что еще она желала услышать? Все ее объяснения звучали как-то слабо, словно она и сама не верила в то, что говорила.

– Да плевать на деньги! Подумаешь, не можешь смотреть в глаза тем, кому должна. Подумаешь, вернешь квартиру...

Ей захотелось его ударить. Такое вот странное чувство. Словно она разделась перед чужим человеком догола, а он теперь смеется над ней.

– Сколько тебе нужно денег?

– Много, – буркнула Надя, отмахнувшись от него как от мухи. – Очень много. И вообще, это не твое дело!

– Столько хватит?

С этими словами Григорий распахнул сумку и показал ей наваленные как попало вперемежку с носками и майками пачки евро.

Возможно, именно в тот момент она и протрезвела. Во всяком случае, чувство, похожее на страх, вызвало какую-то странную реакцию. Она просто онемела. Григорий же громко, весело расхохотался.

– Это твое? – наконец спросила она.

– А то чье же?
– Закрой сумку, – потребовала девушка. Объяснять ему, что своими деньгами он дразнит ее, раздражает, было бы стыдно.
– Ну ладно.
Он выполнил ее просьбу.
– Откуда у тебя так много денег?
– От верблюда. – Он плеснул себе коньяку и выпил. – Ходят иногда по улицам верблюды и раздают деньги. Ты не слышала?
– Дурак. Не смешно. Я тут перед тобой душу вывернула наизнанку, а ты... ты...
– Давай уже, неси листок и ручку, пиши список тех, кому ты задолжала. Отдадим им деньги, и тогда тебе не надо будет выходить замуж за того паука.
– Это как?
– Очень просто. Не видишь, что ли? Куча денег! Расплатишься – и уедем.
– Как это – уедем? Ты кто такой вообще, чтобы я с тобой уезжала?
– Хорошо, сама уедешь. Просто я подумал, что лучше уж пускаться во все тяжкие в компании.
– Ты это серьезно? Ты не разыгрываешь меня? Деньги не фальшивые?
Она пыталась понять, что происходит. Еще вчера, ради того чтобы расплатиться с долгами, она готова была лечь в постель старика за деньги, по сути, продать себя. Это было условием. А что потребует от нее этот странный парень?
– Но я не смогу вернуть тебе все это... никогда... Думаю, ты это понимаешь.
– Не дурак. Все понимаю.
Ей вдруг захотелось спать. Неожиданно. Она дышала ровно, глаза ее закрывались.
– Не спи, Надя! Быстро вставай и пошли! Быстро, я тебе говорю! Это газ... Газ!
Но она уже его не слышала.

4

– Ты что-то там закричал про газ или я напутала?
Она сидела, завернувшись в простыню, за столиком в гостиничном номере и никак не могла понять, как здесь оказалась. Но гостиницу эту она хорошо знала, в свое время, еще учась в школе, она приходила сюда подрабатывать, мыла номера, заменяя беременную знакомую и зарабатывая карманные деньги. Очень старая и грязная провинциальная гостиница советских времен, двухэтажная, с кадкой с огромной пальмой в центре холла и обшарпанной конторкой для администратора слева от двери. Сколько ни крась и ни обновляй, все равно видно, что все вокруг старое и ужасное.
Сумка с деньгами, которые ей явно приснились, стояла возле кровати. Григорий, одетый и умытый, только что заказал по телефону завтрак в номер.
– Какой еще газ? О чем ты? Ну ты, мать, даешь! Бутылку коньяка уговорила, про какой-то газ выдумала... Вот что творит с мозгами алкоголь!
– Это еще что... – она попыталась улыбнуться, и улыбка вышла какой-то кривой, странной, – мне приснилось, что эта сумка полна денег!
– Это все коньяк! Это он дурит тебе голову! Откуда у меня, простого парня, чернорабочего по уборке нечистот, деньги?
– Что-что? Чернорабочий по уборке нечистот?
– Нет, вообще-то я музыкант, веду хоровой кружок при заводе, но, поскольку там нет ставки музыканта и руководителя детского хора, так меня провели чернорабоч...
– Все! Хватит врать! Какой ты учитель музыки? Руководитель детского хора? Что ты мне голову морочишь? И вообще, мне сейчас нужно быть дома, ко мне должен прийти жених!

– Ты влюблена. Я только сейчас это понял. Что же ты мне раньше не сказала? Хорошо, давай я отвезу тебя домой. Встретишься со своим женихом. Ты список-то сохранила?

– Какой еще список?

– Черный, какой же еще?!

В дверь постучали, Григорий, подмигнув Наде, открыл дверь и впустил горничную в голубом платье и белом фартучке. Ей было лет под сорок, платье было явно мало, и грудь натягивала материю так, что белые пуговички держались уже на вытянутых и почему-то розовых нитках. Тяжелый хвост на затылке раскачивался из стороны в сторону, пока женщина ставила поднос с завтраком на столик.

– Надя? Это ты? – Горничная вдруг встретила взглядом с Надей и замерла, словно не веря своим глазам.

Это была знакомая мамы, парикмахерша Валентина. Все знали, что у нее аллергия на какие-то химические препараты, и поэтому она вынуждена была поменять работу. Значит, сейчас она здесь, в гостинице. Скорее всего, работает и администратором, и горничной, может, еще и завтраки готовит на маленькой кухне, расположенной позади банкетного зала.

– Вообще-то мою жену зовут Таня, – сказал Григорий, нахмурившись. – Вы ее явно с кем-то спутали.

Валентина начала водить глазами, оставаясь при этом неподвижной. Конечно, она все поняла и сразу же приняла правила этой игры, объяснения которой так никогда и не узнает. Мало ли зачем этому молодому мужику захотелось, чтобы его жену или просто подружку никто не узнал.

– Да, извините. Что-нибудь еще?

Григорий подошел к столику, осмотрел пустые чашки, маленький кофейник, сахарницу, булочки и масло, пожал плечами.

– Ну ладно, – сказал он. – Если что понадобится, я вас еще раз вызову, хорошо?

– Конечно! – вполне доброжелательно ответила Валентина, косясь в сторону Нади. – Без проблем. Завтрак, кстати говоря, входит в стоимость номера.

– Что-то здесь у вас не очень-то много постояльцев, – заметил Григорий, и Надя никак не могла определить тон его голоса – то ли издевается он, то ли просто шутит или же во всех его вопросах и вообще поведении существует какой-то смысл. Он был непонятный и странный от макушки до пяток.

– Да, конечно... – ухмыльнулась Валентина, – понастроили новых гостиниц, дорогих, с бассейнами, кто же к нам придет? Мы так... доживаем потихоньку. Вернее, умираем.

– И что, весь этот этаж пустой?

– Ну да.

– То-то я заметил, что тихо. Совсем тихо. Пойдите... А в соседнем номере, кажется, кто-то есть.

– Нет-нет, никого. Он вообще пустой стоит и без кровати, мы его даже не запираем. А чего там брать-то?

– Спасибо вам. Вы ужасно милая. Вот. – С этими словами Григорий протянул ей пятисотенную. – Мы скоро отправимся на прогулку по вашему прекрасному городу...

– Скажете тоже! – хохотнула Валентина. – Прекрасный город.

– У вас есть какие-нибудь достопримечательности?

– Конечно, есть! Зоопарк с двумя пони и одним пеликаном да музей народных ремесел. С этими словами она, посмеиваясь, вышла из номера.

Как только за ней закрылась дверь, Надя попросила Григория отвернуться и прошмыгнула в ванную комнату, принять душ и одеться. Вышла оттуда – Григория не было.

– Ау! Ты где?

Сумка стояла прямо возле ее ног. Она не выдержала и потянула за замочек «молнии», приоткрыла и увидела пачки денег. Евро. Вот так, значит, да?

Он появился внезапно, словно возник из воздуха.

– Так, быстро за мной, – сказал он, забирая поднос и направляясь к балконной двери. Легкий ветерок надувал прозрачную занавеску. – Вопросов не задавай, делай так, как я тебе говорю. Сумку, сумку бери!

– Куда мы идем и что вообще происходит?

– Потом объясню.

Зачем-то переселились в соседний номер, позавтракали. Григорий то и дело выходил на балкон, словно проверяя что-то. И возвращался задумчивый, серьезный.

– Мне страшно, – наконец призналась Надя. – Мне и кусок в горло не лезет. Ты от кого-то прячешься?

– Да. Я деньги украл. Взял у одной сволочи. Мне же все равно пару месяцев осталось, понимаешь? Вот я и решил, зачем упускать такой случай?! С деньгами как-то веселее умирать, ты не находишь?

Надя, услышав это, почувствовала, как кожу ее покалывает, словно в кровь запустили маленькие иголки.

– Постой...

– Я правду говорю. Не думаю, что за мной следят, но надо быть очень аккуратным, понимаешь? Конечно, я должен был тебе рассказать это раньше. Но ты не бойся, здесь все тихо и чисто, и никому в голову не придет, что я в этом городе. Я же просто сел на поезд и приехал сюда, в эту глушь.

– А мама? Ты придумал про мою маму?

– Нет, не придумал. Я на самом деле полежал немного в больнице, мне надо было сделать кое-какие анализы. Там мы с ней и познакомились. И когда она рассказала мне про себя, тебя, я признался ей в том, что украл деньги. Если бы твою мать можно было бы спасти, я бы все деньги ей отдал. Но...

– Этого не может быть! Ты признался маме, что украл деньги? И что она?

– Она сказала, что ты в долгах и что если денег у меня действительно так много, то я мог бы помочь тебе. И чтобы ты приняла меня, чтобы поверила мне, дала мне все эти фотографии. Теперь понятно?

– Но это так не похоже на маму...

– Она до последнего думала о тебе. К тому же у нас, у людей, которым осталось жить всего ничего, мозги работают несколько иначе. Мы – отчаянные, понимаешь?

– И что теперь делать? Что, если тебя найдут?

– Вот поэтому я и рассказал тебе все сейчас. Смотри, у тебя два варианта. Деньги я дам тебе в любом случае, и ты сможешь выкупить до конца квартиру и расплатиться со всеми. Ну и остаться здесь, в этом городе. Но можешь поехать со мной. Ты же сама видела, сколько денег. Попутешествуем, повеселимся, мир увидим... Я вот лично давно хотел увидеть Петербург. А ты там была?

– Нет, не была.

– Повторяю, мы можем прямо сейчас отправиться туда, но ты должна понимать, что за мной могут следить, а потому тебе находиться рядом со мной опасно. Реально опасно.

Цветные картинки с видами Петербурга поплыли перед Надей, наслаиваясь одна на другую и бередя ее воображение, дразня ее. Отправиться путешествовать с красивым парнем после всего ужаса, что ей пришлось пережить здесь, в этом городе... Нет, она не верила, что это может быть опасно. Опасно оставаться в своей квартире, где каждая вещь будет напоминать ей о смерти мамы, о ее болезни, о долгах и унижениях, с ними связанных, о скупщике

золота Семене Михайловиче и его сиреневых губах, о помолвке, о поминках и смерти бомжихи Наташи...

– Ты возьмешь меня с собой? Можно?

– Ну, если ты только будешь себя хорошо вести. – Он широко улыбнулся, показывая белые здоровые зубы. Какой же он был красивый!

– Ты о чем? – Она напряглась. – В каком смысле надо себя хорошо вести?

– Ох, нет-нет, совсем не то, о чем ты подумала. – Он выставил руки ладонями вперед, как бы останавливая ее предположения и опасения. – В этом плане можешь быть совершенно спокойна. Самое большое, на что я способен, это нежные поцелуи в щеку.

– А ты расскажешь мне, что нужно будет делать, если тебе станет плохо? Может, укол какой-нибудь сделать или таблетку дать? Ты понимаешь, о чем я?

– Никаких уколов и таблеток! Со мной будет все хорошо, у меня еще полно времени! Единственно, что от тебя потребуется, это полное подчинение.

– В смысле?

– Скажу – поехали, значит, надо быстро собраться и поехать. Скажу – выбросить телефон, значит, ты его выбросишь. Вернее, я извлеку из него сим-карту и все. И не задавать лишних вопросов. Да, я тоже считаю, что меня вряд ли кто найдет, потому что никто и не знает, что это именно я забрал эту сумку. Но, с другой стороны, нельзя недооценивать своих врагов. Вдруг меня кто и заметил?

– А поподробнее нельзя?

– Вот это точно нельзя. Никаких вопросов. Главное я тебе рассказал. Ты должна себе уяснить, что я не опасен. Я не убийца, не разбойник. Да я вообще адвокат! Серьезно! Где твой телефон?

Она протянула ему мобильник, и он вытащил оттуда сим-карту, сломал ее и выбросил в окно.

– Адвокат. Хорошо, пусть. А ты женат? – зачем-то спросила она, вертя в руках мертвый телефон.

– Уже нет. Свободен как птица. Моя жена бросила меня, как только узнала, что мне отрежут ногу.

Надя остолбенела. У него нет одной ноги? То есть есть, но искусственная, протез. Плюс онкология. Не слишком ли много для такого молодого и красивого парня?

– Слушай, хоровик-затейник или как там тебя, чернорабочий по уборке нечистот и адвокат в одном флаконе... Ты же развел меня, да?

– А ты повелась! – захохотал он.

Она схватила с подноса нож, которым намазывала масло на булку, и швырнула в него.

– Повелась! – Он хохотал, держась за живот. – Говорю же, пить надо меньше!

– Да что ты за человек такой?! Как ты мог? Зачем? Что я тебе плохого сделала? – Слезы мешали ей говорить. – И про маму, выходит, наврал?

– Нет, про маму – нет. И вообще, это же она дала мне эту сумку с деньгами...

Он был невыносим. Она уже и не знала что делать. Получается, что он все сочинил, разыграл ее, а она мысленно уже перенеслась в Петербург и, чтобы избавиться от своего прошлого и, главное, избежать брака с Семеном, готова была даже подставиться под пули бандитов, охотящихся за деньгами.

– Ненавижу тебя! – Она даже не успела это произнести, как Григорий рванул к ней и зажал ладонью ее рот.

Со стороны распахнутой двери балкона доносились голоса. Разговаривали в их номере, том, откуда они благополучно ушли, прихватив вещи, булки с маслом и кофейник.

– Они гулять пошли... – говорила Валентина приглушенным голосом. – Осматривать достопримечательности.

Ей кто-то что-то ответил, но слов разобрать было невозможно, как и определить, кому принадлежал голос, мужчине или женщине. Григорий одной рукой крепко держал зажатый Надин рот, а другой крепко сжал ее запястье. Она кивнула, мол, поняла, что надо молчать и не двигаться, и тогда он отпустил ее. Сердце ее колотилось. Она поняла, что в их номер кто-то вошел, тот, кто ищет Григория. И теперь он расспрашивает Валентину, куда делись постояльцы.

– Пеликаны... народные ремесла... – донеслось до Нади. – Да, они точно ушли, вы же видите, их нет. Позавтракали и ушли, я сама им завтрак приносила, кофе там...

Валентина не дура. Поняла, что их ищут. Кому, как не ей, знать, что подноса после завтрака в их номере нет, не с собой же они взяли его к пеликанам. Значит, где-то прячутся. И из гостиницы не выходили, иначе она увидела бы, да и ключи бы забрала. Будь на месте Нади другая девушка, не стала бы выгораживать и лгать, сдала бы Гришу с потрохами. Но она узнала ее.

Хлопнула дверь, стало тихо. Надя с Гришей подошли к балкону, но бесполезно – он выходил на другую сторону гостиницы, где был разбит небольшой парк со старыми липами и дубами.

– Сиди тут и не двигайся, – получила девушка приказ и кивнула. Зимний дворец заслонил собой всех бандитов сразу. Будь, что будет.

Гриша вышел из номера, но дверь за собой не закрыл. Видимо, отправился в ту сторону, где находился холл с окнами, выходящими на парковку перед входом в гостиницу. Вернулся очень скоро.

– Все нормально, не волнуйся. Они уехали.

Она слушала его молча.

– Сейчас вызовем такси и отправимся в Екатеринбург, а оттуда уже в Питер. Как тебе программа?

– Да отлично! – воскликнула она, хотя от волнения с трудом говорила. – Просто супер!

– Вот и хорошо. Давай собирайся. В смысле, допивай свой кофе, доедай булку. Сколько отсюда до Екатеринбурга?

– Сто тридцать километров.

– Хорошо.

– У тебя загранпаспорт есть?

– Да, есть... Мы с мамой мечтали...

– Заедем, заберем все твои документы.

– А продукты... Там же все пропадет, прокиснет. – Она включила хозяйку.

– Дашь ключи от квартиры соседке, скажешь, чтобы забрала все продукты, чтобы за квартирой следила, цветы там поливала... Вот, дашь ей сто евро. Она все сделает. Женщина она нормальная, я видел.

– Но что я ей скажу?

– Скажи, что ты отправляешься, предположим, в Крым, на море. Да, именно на море, потому что тебя все достало. И что ты не хочешь видеть своего жениха. Сделай вид, что ты с ней откровенничаешь, скажешь, что ты чуть не совершила ошибку, согласившись выйти за него замуж.

– Но она непременно спросит про долги! О моих долгах уже весь город знает, наверное!

– Скажешь, что тебе одобрили кредит, и ты сама со всеми рассчитаешься, в том числе и с ней, с этой, как ее...

– Ларисой Петровной.

– Вот именно. Ты ей сколько должна?

– Двенадцать тысяч.

– Евро?

– Что ты?! Откуда у нее такие деньги? Рублей!

– Отдашь. Еще добавишь, что нашла работу. Словом, все объяснишь ей, но быстро, скажешь, что у тебя поезд... автобус, вернее. Да, именно автобус, который довезет тебя до Екатеринбурга, а оттуда уже на море. И не забудь добавить, что если тебя кто-то будет спрашивать, то она вроде как ничего не знает, поняла? Когда твоя Лариса Петровна получит свои деньги, она наверняка поверит тебе и все сделает.

– Да вообще-то она человек ответственный. Постой... А как же полиция? Наташа? Может, они тоже будут меня искать? Вдруг окажется, что ее отравили, да еще и в моем доме?

– Вот поэтому даю тебе на разговор с соседкой минут пятнадцать, не больше! А я буду ждать тебя за домом, в такси. Все поняла?

Ее лихорадило. В гостиничном номере было душно, кондиционеров там никогда не было. А за окнами плавился под жарким июльским солнцем маленький и пыльный Михайловск. Отчего же хотелось поскорее вырваться отсюда? Из этой скучной и унылой жизни, от всех этих людей, которые крепко держали ее на коротком поводке, наблюдая за ее страданиями и унижениями. От Семена Михайловича с его паучьими повадками и сладкими обещаниями. Неужели судьба улыбнулась ей, и она, пусть даже и с таким опасным и малознакомым человеком, отправится в другой мир? Пусть это будет Питер, прекрасный, красивейший город, где ее никто не знает, где можно затеряться среди его красивых домов, дворцов, музеев! Да никто их никогда не найдет, все это глупости. Ну украл он эти деньги, он же не дурак, понимал, когда проворачивал эту аферу, наверняка сделал так, чтобы не оставлять следов. Конечно, хорошо бы выяснить все подробности этого дела, где и у кого он их взял.

Так, размышляя обо всем сразу, Надя уже сидела в такси, на заднем сиденье, и мчалась в сторону своего дома. Прямо перед ней был затылок Григория. Какие же красивые у него волосы, светлые, как солома, надо же, натуральный блондин. А какие глаза! Карие, веселые. Да, она много раз замечала, что он именно весел. Весел и беззаботен. Неужели эта легкость и готовность подарить улыбку возникает лишь в этих трагических обстоятельствах, когда человек вдруг осознает, что жизнь коротка и ему осталось немного. А потому лучше уж веселиться, радоваться тем дням и ночам, которые ему отпущены! Что ж, она и сама сейчас испытывает почти то же самое. Нет, не то. Как-то неправильно она подумала. Даже цинично. Она-то здорова и не собирается умирать в ближайшем будущем. Но отчего же то напряжение, в котором она находилась последнее время, начало ее отпускать? И это при том, что ей ясно дали понять – она в опасности, раз согласилась быть рядом с Григорием. И ей ведь предложили выбор – либо оставаться дома и продолжать жить своей жизнью, либо отправиться в путешествие, срока которого никто не знает.

Что движет ею? Какие чувства? Но уж точно не рассудок. Будь она умна и рассудительна, то наверняка приняла бы предложение Липкина и жила бы себе спокойной, благополучной жизнью. Глядишь, новый муж дал бы ей денег, и она отправилась бы в Питер сама. И ходила бы по Невскому без оглядки, что кто-то может выстрелить...

Фантазии ей было не занимать, да и с воображением было все в порядке. Должно быть поэтому, увлекшись созданием целого воображаемого фильма о предстоящей поездке, она и не заметила, как машина остановилась позади ее дома. Да, именно позади дома, а не перед крыльцом. Все правильно. Если за домом следят, то сразу же обратят внимание на такси и сидящего в нем мужчину. Григория.

– Я пошла.

Григорий сунул ей в руки конверт с деньгами.

Надя вышла из машины и, обогнув дом, вошла в свой подъезд. Старалась не оглядываться, чтобы не привлекать к себе внимание. Уже поднимаясь к себе, вдруг представила, что возле ее двери, на ступеньках сидит ее жених – Семен. Вот что она ему скажет?

Но, к счастью, никого в подъезде она не встретила. Сначала зашла к себе, и сразу же в нос ударил застарелый запах пищи, табака. Нужно было бы проветрить, но нет времени. Совсем. Надо взять документы и уходить.

А вещи? Он ничего не сказал про вещи. Хотя это ведь и так понятно, что надо бы взять самое необходимое: джинсы, свитер, платье, любимую куклу...

Она собрала все, что было нужно, в сумку, проверила, закрыты ли окна, затем вышла и позвонила соседке в дверь, молясь о том, чтобы та была дома.

– Лариса Петровна, привет! – Девушка постаралась ей улыбнуться, из вежливости, чтобы сразу расположить к себе и чтобы не дать ей повод насторожиться. – Вы не могли бы зайти ко мне буквально на минутку? Хочу вам кое-что показать.

Лариса Петровна на этот раз была в розовом шелковом халатике, на ногах – неизменные белые сабо. Волосы ее были мокрыми, должно быть она недавно приняла ванну. Любопытная соседка, ни слова не говоря, последовала за Надей.

– Я уезжаю, – сказала Надя и, придумывая на ходу, объяснила причину своего отъезда, все в точности, как и советовал ей Григорий.

Соседка слушала, глядя на нее расширенными от удивления глазами. Порой она даже забывала хлопать ресницами, смотрела на Надю завороченным взглядом, едва дыша.

– ...я не ожидала, что мне кредит так быстро одобряют, да и сомневалась, одобряют ли вообще, поэтому и согласилась выйти замуж за Семена Михайловича... Но сейчас, слава богу, все в порядке, и я сама, без него, смогу решить все свои проблемы.

Лариса вдруг кинулась к ней и крепко обняла ее.

– Надя, дорогая, как же я рада! Я сегодня целую ночь не спала, все представляла тебя женой этого старика! Он мерзкий! Ты видела его губы?словно их обвели химическим карандашом! Пренеприятнейший тип!

– Вот, – мягко перебила ее Надя, вкладывая ей в ладонь купюры. – Это долг плюс проценты, здесь, если перевести из евро в рубли, примерно двадцать тысяч. И плюс еще немного, чтобы вы присмотрели за квартирой. Ну и продукты все заберите. Я не могу здесь больше оставаться. Вы понимаете меня?

– Да, конечно! Спасибо за денежки... Они мне сейчас очень даже кстати. Но ты не думай, вот лично я никогда не сомневалась в том, что ты мне все вернешь. Разные ситуации в жизни случаются, я же все понимаю...

Надо было уходить, быстро.

– Ладно, Ларисочка Петровна. Мне пора. Вот ключи. Не поминайте лихом!

Зачем она так сказала? Ну, сказала и сказала. Хотя со стороны это могло выглядеть так, словно она прощается с соседкой навсегда.

– Пусть ангел-хранитель поможет тебе, Наденька! – Лариса обняла ее, в который раз обдавая ее запахом сладких духов и шампуня.

– Спасибо!

Надя выбежала из подъезда, не выдержала и оглянулась – вроде бы никто за ней не наблюдает. Вернулась в машину, села позади Григория, погладила его плечо, как бы говоря, что все в порядке. Тот кивнул. При водителе не стоило говорить, как все прошло.

И машина покатила в сторону шоссе.

5

В машине она задумалась о том, что их может ожидать в Петербурге, и настолько глубоко погрузилась в свои мысли, что перестала обращать внимание на происходящее, а когда подняла голову, чтобы оглядеться, то увидела в окно совершенно не тот пейзаж, который должна была увидеть, направляясь в сторону Екатеринбурга. Вместо ожидаемого указателя «Нижние Серги» перед ней промелькнуло совершенно другое название населенного пункта – «Шарама». Они мчались по трассе в сторону Красноуфимска!

Она ткнула пальцем в плечо явно задремавшего Григория, к которому мгновенно изменила свое отношение, и зашипела ему в ухо, так, чтобы не услышал водитель:

– Ты куда меня везешь? Мы едем в другую сторону!

Не поворачивая головы, довольно миролюбиво, уж точно не тоном маньяка, он ответил, слегка склонив голову в ее сторону:

– Так нужно.

Надя потребовала, чтобы они вышли из машины, поговорить.

– Я все это делаю ради нашей безопасности. – Он опередил все ее вопросы. – И только я ответственен за тебя. Поэтому просто доверься мне и все.

– А деньги? Ты же обещал, что я верну долги.

– Когда мы окажемся в более-менее безопасном месте, ты свяжешься со своими знакомыми и попросишь их сообщить тебе свои банковские реквизиты, после чего переведешь деньги. Это просто.

А если ты меня обманешь, хотела спросить она, но почему-то не посмела. Что-то происходило с ней, она чувствовала, как невольно подчиняется Григорию. Да, безусловно, он ей нравился, и она знала за собой эту не очень-то правильную особенность попадать под влияние мужчины. Все мужчины, а их было всего трое, имели власть над ней. Вот такой дурацкий, слабый характер. Вот и сейчас, находясь рядом с мужчиной, который ей нравился, который к тому же еще был смертельно болен, она с трудом сопротивлялась его воле и в каждом его поступке старалась найти что-то хорошее, что могло бы его оправдать. И это удивительно, что она сейчас, понимая, что маршрут изменен, решила на бунт.

Мысли заработали в обратном направлении, Надя лихорадочно пыталась понять, какой вред он может ей причинить, чем может быть опасен? Чем вообще могут быть опасны мужчины? Во-первых, мужчина может ее изнасиловать, что в случае с Григорием сразу же исключалось. Он болен, и этот вопрос его не интересует априори. Может заинтересоваться ее деньгами, как это было в случае с Мишкой Коротаяевым, который поначалу, решив, что у них с матерью много денег, буквально прилип к Наде, а потом, после того как мама заболела и семья утонула в долгах, просто исчез, оставив ее, беременную. Но сейчас, с Григорием, как раз все наоборот, и первый шаг к тому, чтобы продемонстрировать свою щедрость и заботу по отношению к ней, он уже сделал – она вернула долг Ларисе Петровне. Тогда что еще от нее может быть нужно? Чтобы она всего лишь разделила с ним последние месяцы его жизни, чтобы была рядом, когда он попытается получить от этой самой жизни последние крупинцы радости и счастья? Чтобы не быть одиноким перед тем, как уйти в мир иной?

Как было бы все просто, если бы те деньги, что лежали у него в спортивной сумке, были его собственными, а не украденными! Если бы не было реальной опасности быть обнаруженными и, возможно, убитыми!

Они стояли на обочине дороги. Собирался дождь. По небу неслись огромные фиолетовые тучи, ветер шумел в ветвях деревьев и ерошил вялую траву на поле. Пахло пылью и чем-то сладким, может быть теплыми, прогретыми июльским солнцем полевыми цветами? А еще ветер трепал светлые волосы Григория, до которых так хотелось дотронуться рукой. Наде пока-

залось, что все это уже было. И это поле, и этот ветер, и это лицо, глаза, губы... И запах трав и цветов. Не хватало только плеска воды и пения птиц. А еще... Она закрыла глаза и будто бы увидела странную картинку: краснеющую прямо на глазах еще недавно такую прозрачную воду, ржавый топор, стайки мальков на песочном дне...

Она открыла глаза, подняла голову.

– Ладно, поступай как знаешь. Просто я нервничаю.

Она хотела сказать, что уже не уверена в том, что поступила правильно, согласившись поехать с ним. Что она просто не оценила степень риска и опасности, и что она не хочет умирать. Что ей страшно.

Но он, Григорий, словно услышав ее мысли, вдруг сгреб ее в охапку, прижал к себе и поцеловал в макушку.

– Упокойся, вот увидишь, все будет хорошо. Просто доверься мне и все. Да, мы, возможно, чуть позже отправимся в твой любимый Петербург, и рано или поздно мы все равно туда приедем. А сейчас, чтобы не думать о плохом, ты составляй наш питерский маршрут, экскурсии там, музеи, театры... Поверь мне, все это реально. Просто мы должны оторваться от тех, кто, возможно, ищет меня. Пусть уж лучше я перестрахуюсь, чем буду рисковать.

– Они, эти люди, реально могут нас найти?

– Думаю, что у них фантазии не хватит... Хотя, повторяю, мы не должны недооценивать своих врагов.

– Ладно. Я все поняла. Но последнее: кто они, эти люди? И почему ты с такой легкостью забрал их деньги?

– Один зарвавшийся чиновник. И для него эти деньги – может быть, одна миллионная доля, понимаешь? Это для него вообще не деньги. И может, меня на самом деле никто не ищет, и это я такой мнительный. Но твою бродяжку-то кто-то отравил... Вот что меня насторожило!

– Да, я понимаю. Все. Хорошо. Обещаю, что больше не буду расспрашивать тебя об этом. Поехали.

Но даже произнося это, она до конца не была уверена в том, что доверяет ему полностью. Просто колесо ее судьбы слишком резко крутанулось, и она уже несется, просто летит в какую-то другую жизнь. А лучше она будет той, что ее ожидала бы, останься она в Михайловске, или нет, разве кто может знать?

Такси остановилось возле придорожного кафе «Браво» в тени березовой рощи. Григорий расплатился, и таксист, зачем-то подмигнув Наде, махнул рукой и уехал. Должно быть, принял их за любовников и пожелал им в душе приятной поездки. Таксист вообще оказался на редкость тактичным – всю дорогу молчал. Должно быть, решила Надя, ему посулили ну очень хорошие деньги.

На парковке перед кафе, небольшим строением желтого цвета с острой высокой крышей, стояло несколько фур и скромных автомобилей. Поскольку собиралась гроза, посетители расположились внутри кафе, на крытой же террасе со столиками ветер уже разметал бумажные салфетки, которые белыми крупными бабочками летали вокруг.

– Я ужасно голодная, – призналась Надя.

– Аппетит – это признак здоровья, – сказал Григорий.

Значит, у него нет аппетита, с грустью подумала Надя, вздохнув.

Однако он заказал, как и она, макароны с мясом, салат и компот, и все это съел, даже глазом не моргнув. С очень даже хорошим аппетитом. Потом, подозвав официантку, женщину средних лет в цветастой блузке и черной юбке, с накрашенными яркими губами, спросил, как им добраться до города.

Женщина протянула им визитку, на которой было только имя Виктор и телефон. Частный таксист. Он приехал через четверть часа и отвез их в гостиницу «Ковчег», расположенную на

улице Спартака. Двухэтажное вытянутое наподобие барака здание из белого кирпича с красной вывеской. Они сняли номер на втором этаже, и Надя первым делом решила помыться.

– Слушай, в номере нет ни душа, ни туалета! – заключила девушка, обойдя номер, состоящий всего из одной небольшой комнаты с двумя деревянными потертыми кроватями, заправленными голубыми застиранными покрывалами, двумя стульями и тумбочкой с допотопным телевизором. Окно выходило на парковку.

– Пойду поищу, – сказал Григорий. Он после сытного обеда выглядел бодрым, веселым и уж никак не походил на смертельно больного человека.

«...У меня ремиссия, знаете ли. Поэтому не хочу грустить. Жизнь, она такая короткая», вспомнила Надя слова Григория на поминках. Она имела самое смутное представление о ремиссии, но, кажется, это – улучшение здоровья во время болезни. Что ж, уже неплохо.

– Душ за отдельную плату, и ключ от душевой и туалета на ресепшне, – смеялся он, разводя руками. – Вот такой ненавязчивый сервис. И все это на первом этаже. Сейчас поеду куплю мыло, шампунь. Что еще нужно?

Она взглянула на него и ничего не ответила.

– Ясно, сам решу.

И уехал.

Вернулся с пакетами, полными на самом деле всем необходимым для дороги и жизни. Купил все вплоть до палочек для ушей, плюс сладости, фрукты.

Надя спустилась в душ, вернувшись, съела яблоко и улеглась на свою кровать, что рядом с окном. И сразу услышала, как зашумел дождь – сначала по подоконнику застучали редкие капли, потом все потемнело, и по стеклу полилась вода, словно на гостиницу обрушилось все небо с его тучами и серыми потоками влаги.

Григорий тоже последовал ее примеру и вернулся из душа бодрый, довольный, с розовым лицом. На его плече висело новое голубое полотенце.

– Спать так спать, – сказал он, расстегивая ремень джинсов.

Надя отвернулась, чтобы его не смущать. Скрипнула его кровать – он лег.

Если бы кто увидел ее здесь, в этом убогом гостиничном номере, лежащей на соседней койке рядом с таким красивым молодым мужчиной, подумал бы, что они брат и сестра. Как странно устроена жизнь, и чего только в ней не случается!

Еще одно странное чувство испытывала она, оторвавшись от своего прошлого и ринувшись в новую жизнь – какое-то несерьезное отношение к той опасности, которая, если верить Григорию, нависла над ними. Вроде бы она ему поверила, ведь деньги-то – вот они, она сама их видела, целая сумка. И если бы он их не украл, то с какой стати стал бы на себя наговаривать? Значит, все-таки украл. И за ним, что тоже нельзя исключать, могут следить или, во всяком случае, искать его. Но если он сел на первый попавшийся поезд, то почему вышел рядом с Михайловском? Не самое удобное место, между прочим.

– Гриша... – тихо сказала она, проверяя, спит он или нет.

– Да, что случилось? – ответил он спросонья.

– Все думаю... Хорошо, что мы поехали на такси, хотя еще лучше было бы отправиться просто на частной машине. Таксист тоже может проболтаться.

– Да он вроде не из болтливых.

– Но если к горлу приставят нож или пистолет?

– Ух какие страсти ты рассказываешь... – Он говорил уже едва слышно, как человек, почти погрузившийся в сон.

– Ты где сошел, когда приехал к нам, на вокзал?

– Ну да, а где же еще?

– И сразу в больницу?

– Да, конечно... – Она услышала, как он начал тихонько посапывать. Уснул. Задремал.

- Больница в самом Михайловске?
- Ну да...
- Скажи, какой красивый у нас вокзал!
- Да, очень...
- С колоннами, как дворец, его строил архитектор...
- Да, с колоннами... Давай уже спать, а?

Она вздохнула. Вокзал с колоннами. Откуда бы ему вообще взяться... Да и мама лежала в больнице в Арти, что в сорока семи километрах от Михайловска. Какой уж теперь сон!..

6

Стоило ей только проснуться, как волна страха окатила ее с головой. Словно и не холодный дождь поливал снаружи стекла гостиничного номера, а именно страх. Он солгал ей. Но чтобы убедиться в этом, надо все-таки с ним поговорить. Быть может, про вокзал с колоннами он пробормотал просто во сне, а она зацепилась за это. Мало ли что человек может повторить, находясь в полудреме!

Надя открыла глаза, повернула голову. Соседняя кровать была пуста и аккуратно застелена. Он в туалете или снова в душе? Может, отправился прогуляться? Или вообще исчез. Сбежал. А сумка?

Девушка, набросив на себя легкое покрывало, поднялась и прошла до стола, заглянула под него. Сумка. Прислушалась к тишине. Нет, шагов не слышно. Тогда она быстро выдвинула сумку и заглянула в нее. Деньги были на месте. А это значит, что Григорий не сбежал. Или же сбежал, оставив ей кучу денег?

Она усмехнулась своим бредовым мыслям. Вернулась, села на кровать и уставилась в окно. Комната наливалась сумерками, было почти темно. А что, если ей деньги померещились? Она снова встала, включила настольную лампу и заглянула в сумку. Нет, все в порядке, они на месте. Она ведет себя так, словно это она украла деньги и теперь постоянно проверяет, не исчезли ли они, не приснились ли ей.

А что, если взять эту сумку и сбежать?

На этот раз она засмеялась почти в голос.

Что, если и с Григорием было то же самое, и он не смог побороть искушения – взял то, что лежало так близко, достаточно было только протянуть руку?

Она не услышала шагов, дверь распахнулась, и в комнату вошел Григорий, увидев Надю, завернутую в покрывало, тотчас вышел и постучался.

– Да входи уже!

Он вошел.

– А я тут прогулялся немного.

– Под дождем, я поняла.

– Скажем так – постоял на крыльце гостиницы. Вид унылый, конечно, но ничего. Живут же здесь люди.

– Поедем уже отсюда, а? Ты же и сам понимаешь, что тебя здесь никто не достанет... Это такая Тьмутаракань!

– Провинция. А я, знаешь, люблю провинцию. Маленькие городки, поселки, деревни. Люблю рыбалку...

И тут, словно из распахнутого окна, потянуло запахом свежей рыбы, тины, реки... Надя тряхнула головой, стараясь избавиться от наваждения.

– Кинь мне джинсы, а?!

Он подал ей одежду и отвернулся.

– Ты врешь мне на каждом шагу. Вот так, – сказала она, осмелев и пользуясь тем, что он не видит выражения ее лица.

– В каком смысле?

– Ты сказал, что приехал в наш город на поезде, а у нас поезда не ходят. И никакого железнодорожного вокзала с колоннами нет. Я проверяла тебя, и ты попался.

– Но как-то же я сюда приехал! – Его голос звучал спокойно. И это тоже было странно.

– Должно быть, так же, как и сейчас, на машине.

– Да, ты права. В городе вокзала нет, но есть станция «Михайловский завод», что в десяти километрах от города. Но об этом я узнал уже в поезде, изучая местность по интернету.

– Ты не ехал на поезде. И знаешь почему?

– Конечно, знаю.

Она резко повернулась, натягивая край блузки на бедра. Машинально подхватила рукой свои волосы и, уложив на затылке в толстый жгут, укрепила заколкой.

– И в больнице ты нашей не был. А если и был, то маму мою не видел. И знаешь почему?

– Знаю, потому что она там не лежала, так?

– Да, она последние два месяца лежала в больнице Арти, это в пятидесяти километрах от нас. Там и больница лучше, и врачи. Скажи, что тебе от меня нужно? Где ты раздобыл мои фотографии? И как узнал о поминках? Кто ты вообще?

Он с совершенно невозмутимым видом взял со стола яблоко и откусил. Потом улыбнулся, словно это было единственным его оружием или просто беспроницаемым средством общения.

– Ну да, наврал! Врал с самого начала.

– Но почему я? У меня же нечего брать!

– Да при чем здесь это? Да, я приехал в Михайловск на машине, вернее, на трех разных машинах. Москва – Казань – Пермь... Ехал куда глаза глядят, пока вечером не оказался в твоём городе. Вышел на первой же попавшейся темной улице, такой глухой и заросшей старыми тополями, что аж жуть... Увидел свет в твоём окне, а там люди... Зашел в подъезд, поднялся, увидел, что дверь в твою квартиру открыта и туда заходят люди, потом кто-то вышел покурить на лестницу. Я постоял, послушал, понял, что это поминки. Разговорился с одной женщиной, она мне и рассказала про твою маму. Ты прости меня, но я, как тот мошенник, что ходит по свадьбам да банкетам со своим хрустальным фужером, вот только на поминки заглянул...

Она проглотила и это. Возможно, окажись она на его месте, то есть в поисках еды и ночлега, так же вот забрела бы на огонек в чужую квартиру, откуда доносится запах еды и где среди большого количества народа легко затеряться.

– Но фотографии мои у тебя откуда?

– Честно?

Она замахнулась на него, как это делают дети, полусерьезно, желая дать понять, что сердятся.

– Нашел в твоём почтовом ящике.

– Ты что, все ящики там прошарил?

– Нет, только твой, по номеру квартиры определил. Мне же надо было узнать хотя бы что-то о твоей семье. Может, письмо какое с именем, да мало ли! Квитанции...

– И что, неужели они лежали вот просто так? Мои детские фотографии? И без конверта?

– Нет, почему же, конверт был. Простой, коричневый, и на нем написано... Да вот же он, я тебе сейчас его покажу!

Надя ушам своим не поверила и следила теперь за каждым движением Григория. Снится ли ей все это?

Большой мятый конверт коричневой плотной почтовой бумаги он положил на стол. На нем было написано размашистым почерком «*Надежде Суриной. Лично в руки*».

– Вот я лично в руки тебе и отдал.

Почерк был незнакомым, то есть не ее и не мамин. Но фотографии точно их, семейные. Может, кто-то из знакомых решил как бы подарить их ей или вернуть, подсунуть инкогнито в такой печальный момент, чтобы после мамы у Нади осталось больше фотографий-воспоминаний?

– Ты сама-то можешь предположить, кто подкинул тебе эти фото?

– Нет. Не знаю. Ни у кого не должно было быть этих фотографий. С чего бы?

– Но родственники-то у вас есть? Быть может, какая-нибудь тетушка?

– Да нет никого!

– А отец?

– Утонул.

– Извини.

– Да ладно, чего уж там. Он давно утонул, я тогда в школе училась, мне лет десять было. Мы поехали на рыбалку, на машине, мы вообще часто выбирались за город, позагорать, отдохнуть. Папа вообще не умел плавать, но было очень жарко, он пошел просто окунуться и не вернулся...

– Какой ужас... Представляю, как все это было тяжело... Тело нашли?

– Ну и вопросы ты задаешь! Хочешь меня отвлечь от своих сказок?

– Да! – Он снова широко улыбался, и глаза его светились совершенно непонятной радостью. Удивительный тип, она рассказывает ему о том, как утонул ее отец, а ему весело. Может, у него с мозгами проблема?

– Конечно, нашли! В тот же день и нашли. Там люди были рядом, рыбаки, один нырнул и вытащил папу... Мама с тех пор на речку не ходила, хотя плавала отлично. Отец ей всегда говорил: «Тоня – не тонет».

– Не сердись на меня. Да, я понарасказывал тебе разных глупостей, а мне тогда хотелось только одного. Поест и поспать. После того, что я сделал, стал мнительным, я и сам не ожидал от себя, что я такой трус.

– Постой, так ты, значит, не больной!

– К счастью... Прости.

Она бросилась в нему и принялась колотить его кулаками в грудь, приговаривая: «Да разве так можно? Я же поверила! Какой же ты дурак! Идиот просто!»

Он схватил ее за плечи и остановил. Заставил успокоиться. Слегка коснулся губами ее щеки. Она зажмурилась. Господи, какое счастье, что он здоров!

– Так, ладно. Хватит ссориться. Поедем куда-нибудь поужинаем, а?

– Но ты не ответил! Почему я? Зачем ты вернулся, я хотела спросить.

Надеялась ли она услышать что-нибудь типа «ты красивая девушка, поэтому я решил вернуться», «ты мне понравилась»? Надеялась, однако и боялась этого. Ведь после того, как он признается в этом, их отношения могут приобрести совершенно другой смысл. Да и вести себя с ним она должна будет иначе. Но как? Да, он нравится ей, но она же его совершенно не знает! И одно дело украсть деньги у зарвавшегося чиновника, настоящего вора, зная, что тебе за это все равно ничего не будет, что тебя могут просто не успеть вычислить, поймать и призвать к ответу, потому что ты обречен и тебе осталась пара месяцев жизни, а другое... А вот другой вариант он пока еще не озвучил. Он врал ей напраполю и постоянно. Один только хоровик-затейник чего стоил!

Ладно, ужин так ужин. Выпьет и сам все расскажет. Да и она после бокала вина, может, воспримет его очередную байку не так агрессивно. Вот только теперь она совсем запуталась: то ли благодарить его за то, что он избавил ее от старика с синими губами, то ли... Запуталась, короче.

– Зачем я вернулся? – Он снова приблизил ее к себе и теперь уже поцеловал прямо в губы. – Вот зачем!

– Ладно, поехали уже ужинать... – отдышавшись после долгого поцелуя, вкус которого она так и не поняла, потому что сильно нервничала, сказала Надя. – Надеюсь, в этом городе найдется приличный ресторан.

– Да, мне подсказали здесь, на ресепшне... Слушай, я вот с трудом произнес это слово.

– На самом деле как-то смешно звучит. Одно дело ресепшн в каком-нибудь приличном отеле, другое дело... Ладно, не будем снобами. Вполне себе нормальный город, нормальная гостиница, хотя бы чистая – уже хорошо.

Она открыла свою дорожную сумку и извлекла дежурное черное платье из нейлона, которое не мялось и всегда выглядело отлично. Облегающее, с большим декольте и маленькими атласными красными розочками на рукавах. Ну и туфли-шпильки. Все было старое, но выглядело вполне сносно.

– Ну, как я тебе?

– Для Красноуфимска вполне себе. – Григорий, отойдя подальше от Нади, осмотрел ее критическим взглядом.

– Типа, для сельской местности, что ли, сойдет? – Ей захотелось запустить в него чем-то тяжелым.

– Приедем в Питер, купим тебе самую красивую одежду.

Она почувствовала, что краснеет.

– Знаешь, я никуда не пойду. Вот.

И хотела уже стянуть с себя платье, но Григорий, бросившись к ней, обнял ее, остановил.

– Успокойся, я не хотел тебя обидеть.

– Послушай, – не выдержала она, ей хотелось узнать правду здесь и сейчас, что называется на берегу, – почему именно я? Почему именно со мной ты решил потратить эти проклятые деньги? У тебя что, в Москве не нашлось ни одной знакомой девушки, с которой ты мог бы отправиться...

– Да я как-то и не подумал об этом. Мне важно было поскорее выбраться из Москвы, раствориться где-нибудь на периферии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.